

БЕРНАРД

ШОУ

ПИГМАЛИОН

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Бернард Шоу

**Пигмалион. Кандида. Смуглая
леди сонетов (сборник)**

«АСТ»

УДК 821.111-31-2
ББК 84(4Вел)-6

Шоу Б.

Пигмалион. Кандида. Смуглая леди сонетов (сборник) /
Б. Шоу — «АСТ», — (Эксклюзивная классика (АСТ))

В сборник вошли три пьесы Бернарда Шоу. Среди них самая знаменитая – «Пигмалион» (1912), по которой снято множество фильмов и поставлен легендарный бродвейский мюзикл «Моя прекрасная леди». В основе сюжета – древнегреческий миф о том, как скульптор старается оживить созданную им прекрасную статую. А герой пьесы Шоу из простой цветочницы за 6 месяцев пытается сделать утонченную аристократку. «Пигмалион» – это насмешка над поклонниками «голубой крови»... каждая моя пьеса была камнем, который я бросал в окна викторианского благополучия», – говорил Шоу. В 1977 г. по этой пьесе был поставлен фильм-балет с Е. Максимовой и М. Лиепой. «Пигмалион» и сейчас с успехом идет в театрах всего мира. Также в издание включены пьеса «Кандида» (1895) – о том непонятном и загадочном, не поддающемся рациональному объяснению, за что женщина может любить мужчину; и «Смуглая леди сонетов» (1910) – своеобразная инсценировка скрытого сюжета шекспировских сонетов.

УДК 821.111-31-2
ББК 84(4Вел)-6

© Шоу Б.
© АСТ

Содержание

Пигмалион	6
Профессор фонетики	6
Действие первое	9
Действие второе	16
Действие третье	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Бернард Шоу Пигмалион. Кандида. Смуглая леди сонетов (сборник)

George Bernard Shaw

PYGMALION

CANDIDA

THE DARK LADY OF THE SONNETS

Печатается с разрешения The Estate of Bernard Shaw c/o The Society of Authors.

© George Bernard Shaw, 1910, 1913, 1914, 1916, 1926, 1930, 1933, 1941, 1944, 1948

© The Public Trustee as Executor of the Estate of George Bernard Shaw, 1957, 1958

© Перевод. С. Бобров, М. Богословская, наследники, 2016

© Перевод. П. Мелкова, наследники, 2016

© Перевод. М. Лорие, наследники, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Пигмалион

Роман-фантазия в пяти действиях

1912–1913¹

Профессор фонетики

Как мы увидим дальше, «Пигмалион» нуждается не в предисловии, а в продолжении, которым я и снабдил пьесу в должном месте.

Англичане не уважают родной язык и упорно не желают учить детей говорить на нем. Написание слов у них столь чудовищно, что человеку не научиться самому произносить их. Ни один англичанин не откроет рта без того, чтобы не вызвать к себе ненависти или презрения у другого англичанина. Немецкий и испанский языки вполне доступны иностранцам, но английский недоступен даже англичанам. Энергичный энтузиаст-фонетист – вот кто требуется сейчас Англии в качестве реформатора, потому-то я и сделал такового главным действующим лицом моей ныне столь популярной пьесы. Герои такого толка, тщетно вопиющие в пустыне, уже случались в последнее время. Когда к концу 1870-х годов я заинтересовался этой темой, прославленный Александр Мелвилл Белл, изобретатель Наглядной Речи, уже давно эмигрировал в Канаду, где сын его изобрел телефон. Но Александр Дж. Элис еще оставался лондонским патриархом, его величественную голову прикрывала неизменная бархатная шапочка, за что он изысканно извинялся перед аудиторией. Он и Тито Пальярдини, еще один ветеран-фонетист, принадлежали к тем людям, к которым невозможно испытывать неприязнь. Генри Суит, тогда еще молодой человек, отнюдь не отличался присущей им мягкостью: к обыкновенным смертным он относился примерно так же снисходительно, как Ибсен или Сэмюэл Батлер. Его талант фонетиста (а на мой взгляд, он лучше их всех знал свое дело) дал бы ему право на высокое официальное признание и, вероятно, возможность популяризировать любимую науку, если бы не его сатанинское презрение к академическим должностным лицам и вообще ко всем тем, кто греческий ставил выше фонетики. В те дни, когда в Южном Кенсингтоне возник Имперский институт и Джозеф Чемберлен расширял пределы империи, я подбил как-то раз одного издателя ежемесячного журнала заказать Суиту статью о значении его науки для Британской империи. Присланная им статья не содержала ничего, кроме издевательских нападок на профессора языка и литературы, чью должность, по мнению Суита, имел право занимать исключительно специалист по фонетике. Статью печатать было невозможно по причине ее пасквильного характера, и ее пришлось вернуть автору, а мне пришлось отказаться от мечты вытащить ее автора на сцену. Когда много лет спустя я встретил его после долгого перерыва, я, к удивлению моему, увидел, что он ухитрился из молодого человека вполне сносной наружности превратить себя (по чистому пренебрежению) в воплощенное отрицание Оксфорда и всех его традиций. Суита, очевидно назло ему, втиснули в должность преподавателя фонетики. Будущее фонетики, возможно, и принадлежит его ученикам – все они молились на него, – но самого учителя ничто не могло примирить с университетом, за который, пользуясь своим святым правом, он тем не менее цеплялся, как самый типичный оксфордец. Смеею предположить, что его записки, если он таковые после себя оставил, содержат кое-какие сатиры, которые можно будет опубликовать без осо-

¹ © Перевод. П. Мелкова, наследники, 2004

бых разрушительных последствий лет этак через пятьдесят. Он, как мне кажется, вовсе не был недоброжелательным, скорее, я бы сказал, наоборот, но просто он не выносил дураков.

Те, кто его знал, угадают у меня в III акте намек на изобретенную им систему стенографии, с помощью которой он писал открытки и которую можно изучить по руководству ценой в четыре шиллинга шесть пенсов, выпущенному Кларендон Пресс. Именно такие открытки, о которых упоминает миссис Хигинс, я и получал от Суита. Расшифровав звук, который кокни передал бы как «зерр», а француз как «се», я затем писал Суиту, требуя с некоторой запальчивостью разъяснить, что именно, черт его подери, он хотел сказать. С безграничным презрением к моей тупости Суит отвечал, что он не только хотел, но и сказал слово «результат» и что ни в одном из существующих на земле языков нет другого слова, содержащего этот звук и имеющего смысл в данном контексте. Думать, что менее квалифицированным смертным требуются более подробные разъяснения, – это уже было выше суитовского терпения. Задуман его Универсальный алфавит был для того, чтобы безупречно изображать любой звук в языке, как гласный, так и согласный, держа при этом руку под любым наиболее удобным углом и делая самые легкие и беглые движения, какие нужны для написания не только «м» и «н», но также «у», «л», «п» и «к». Однако неудачная идея использовать этот оригинальный и вполне удобочитаемый алфавит еще и как стенографию превратила его в суитовских руках в самую неразборчивую из криптограмм. Первоначальной задачей Суита было снабдить исчерпывающим, аккуратным, удобочитаемым шрифтом наш благородный, но плохо экипированный язык. Но Суита увело в сторону презрение к популярной Питменовской системе стенографии, которую он окрестил ямографией. Торжество Питмена было торжеством умелой организации дела: еженедельная газета убеждала вас изучать систему Питмена; вам предоставлялись дешевые пособия и сборники упражнений и расшифровки стенограмм речей, а также школы, где опытные педагоги натаскивали вас до необходимого уровня. Суит же не умел подобным образом организовать спрос на себя. Его скорее можно уподобить сивилле, разорвавшей листы со своим пророчеством оттого, что ее никто не желал слушать. Учебник за четыре шиллинга шесть пенсов, собственноручно им написанный и залитографированный, никогда не имел пошлой рекламы. Быть может, однажды его и подхватит какой-нибудь синдикат и навяжет обществу, как «Таймс» навязал читателям Британскую энциклопедию, но до тех пор, пока этого не произошло, его системе, безусловно, не одержать верха над Питменовской. За свою жизнь я купил три экземпляра Суита. Через издательство мне известно, что учебник его продолжает упорно вести здоровое затворническое существование. Я овладевал системой Суита дважды, в разные периоды своей жизни, и, однако, эти вот строки записаны по системе Питмена. Причина в том, что моя секретарша не умеет стенографировать по Суиту, так как волею обстоятельств обучалась по школе Питмена. Вот Суит и напал в своих речах на Питмена так же тщетно, как Терсит на Аякса, и хотя язвительные нападки, может статься, и облегчали его душу, но повальной моды на Универсальный алфавит не обеспечили.

Пигмалион-Хигинс не есть портрет Суита, вся история с Элизой Дулитл для Суита была бы невозможна. Но, как вы увидите, в Хигинсе присутствуют черты Суита. Обладай тот телосложением и темпераментом Хигинса, он сумел бы поджечь Темзу. Будучи же самим собой, Суит как профессионал произвел на Европу такое впечатление, что сравнительная безвестность и непризнание Оксфордом суитовских заслуг до сих пор остаются загадкой для иностранных специалистов в этой области. Я не виню Оксфорд, так как считаю, что Оксфорд вправе требовать от своих питомцев хотя бы толики светской вежливости (видит Бог, ничего непомерного нет в этом требовании!). Хотя я хорошо понимаю, как трудно человеку талантливому, чью науку недооценивают, поддерживать безоблачно

дружелюбные отношения с теми, кто ее недооценивает и отводит лучшие места менее важным дисциплинам (которые преподают без оригинальности и подчас не имея должных способностей), все же, коль скоро ты изливаешь презрение и ярость, вряд ли следует ожидать, что тебя будут осыпать почестями.

О последующих поколениях фонетистов я знаю мало. Среди них высится Поэт-лауреат, которому, возможно, Хигинс обязан своим увлечением Мильтоном, но и тут я опять-таки отрицаю всякое портретное сходство. Если моя пьеса доведет до сознания общества, что есть на свете такой народ – фонетисты и что они принадлежат в современной Англии к самым нужным людям, то она сделала свое дело.

Хочу похвастаться: «Пигмалион» пользуется большим успехом во всей Европе и Северной Америке и даже у себя на родине. Пьеса столь интенсивно и нарочито дидактична и тема ее слывет столь сухой, что я с наслаждением сую ее в нос умникам, которые как попугаи твердят, что искусство ни в коем случае не должно быть дидактичным. Она льет воду на мою мельницу, подтверждая, что искусство иным и быть не должно.

И в заключение, чтобы подбодрить тех, кого акцент лишает возможности сделать служебную карьеру, добавлю, что перемена, которую произвел профессор Хигинс в цветочнице, не является чем-то несбыточным и необычным. В наш век дочь консьержа, которая играет королеву Испании в «Рюи Блазе» в «Комеди Франсез», осуществляя свои честолюбивые мечты, – лишь одна из многих тысяч (женщин и мужчин), отбросивших родные диалекты, как сбрасывают старую кожу, и приобретших новый язык. Но совершить превращение надо по-научному, иначе последняя стадия обучения может оказаться безнадежнее первой: честный природный диалект трущоб вынести куда легче, чем попытку фонетически необученной личности подражать вульгарному жаргону членов гольф-клуба. А я с сожалением должен признать, что, невзирая на усилия нашей Королевской академии драматического искусства, на сцене нашей до сих пор слишком много поддельного английского, заимствованного именно из гольф-клубов, и слишком мало благородного английского языка Форбс-Робертсона.

Действие первое

Ковент-Гарден. 11.15 вечера. Лето. Проливной дождь. Со всех сторон отчаянные гудки автомобилей. Прохожие бегут к рынку и к церкви Св. Павла, под портиком которой уже укрылось несколько человек. Среди них дама с дочерью, обе в вечерних туалетах. Все мрачно взирают на потоки дождя, и только один человек, стоящий спиной к остальным, по-видимому, целиком поглощен своей записной книжкой; он торопливо делает какие-то заметки. Бьет четверть двенадцатого.

Дочь (*стоит между двумя центральными колоннами портика, ближе к левой*). Я продрогла до костей. Куда пропал Фредди? Вот уже двадцать минут как он ушел.

Мать (*справа от дочери*). Положим, не двадцать. Но такси он бы все-таки мог уже найти.

Прохожий (*справа от дамы*). Раньше половины двенадцатого никакого такси он вам не достанет, мэм, и не надейтесь; сейчас все из театров разъезжаются.

Мать. Но нам очень нужно. Мы не можем стоять здесь до половины двенадцатого. Какое безобразие!

Прохожий. А я чем виноват?

Дочь. Будь у него голова на плечах, он давно бы нашел такси у театра.

Мать. Ну что ты хочешь от бедного мальчика?

Дочь. Все достают такси. А он почему не может?

Под потоками дождя со стороны Саутгемптон-стрит вылетает Фредди и становится между ними, закрывая зонтик, с которого стекает вода. Это молодой человек лет двадцати в вечернем костюме, брюки у него мокры по щиколотку.

Дочь. Ну, достал-таки?

Фредди. Нигде ни одного, ни за какие деньги.

Мать. Ах, Фредди, машину всегда можно достать. Ты просто плохо искал.

Дочь. Боже, как мне все надоело! Уж не прикажешь ли нам самим идти за такси?

Фредди. Я же вам говорю, все машины расхватали. Дождь начался внезапно, никто его не ожидал, и все кинулись искать такси. Я дошел до Черинг-кросс, потом повернул и добрался почти до самого Ледгет-серкус; нигде ни одной свободной машины.

Мать. А на Трафальгар-сквер?

Фредди. И на Трафальгар-сквер ни одной.

Дочь. А ты там был?

Фредди. Я был на Черинг-Кросском вокзале. Ты, вероятно, ожидала, что я пробежусь до Хаммерсмита?

Дочь. Никуда ты не ходил.

Мать. Ты в самом деле ужасно беспомощен, Фредди. Иди опять и, пока не найдешь такси, не возвращайся.

Фредди. Только зря вымокну до нитки.

Дочь. А мы? По-твоему, мы всю ночь будем стоять здесь на ветру, в одних платьях? Это свинство. Эгоист несчастный!

Фредди. Ну, ладно, ладно, иду.

Раскрывает зонтик и бросается в сторону Стрэнда, но по дороге сталкивается с уличной цветочницей, которая спешит укрыться от дождя, и выбивает у нее из рук корзину с цветами. Ослепительная вспышка молнии, сопровождаемая оглушительным раскатом грома, служит фоном для этого происшествия.

Цветочница. Ты что, очумел, Фредди? Не видишь, куда прешь!

Фредди. Виноват... (*Убегает.*)

Цветочница (*подбирая рассыпанные цветы и укладывая их в корзинку*). А еще называется образованный! Все мои фиалочки копытами перемял.

Усаживается у подножия колонны справа от дамы и начинает приводить в порядок цветы. Привлекательной ее не назовешь. Лет ей восемнадцать-двадцать, не больше. На ней маленькая матросская шапочка из черной соломки, с многочисленными следами лондонской пыли и копоти, явно скучающая по щетке. Ее давно не мытые волосы приобрели какой-то неестественный мышинный цвет. Поношенное черное пальто, узкое в талии, едва доходит до колен. На ней коричневая юбка и грубый фартук. Башмаки тоже знавали лучшие дни. Нельзя сказать, что она не старается быть по-своему опрятной, но по сравнению с окружающими ее дамами выглядит настоящей грязнулей. Черты ее лица не хуже, чем у них, но кожа оставляет желать лучшего. К тому же девушка явно нуждается в услугах зубного врача.

Мать. Простите, откуда вы знаете, что моего сына зовут Фредди?

Цветочница. Ага, так это ваш сынок? Хороша мамаша! Воспитала бы сына как положено, так он бы побоялся цветы у бедной девушки изгадить, а потом смыться и денег не заплатить. Вот вы теперь и гоните монету!

Приношу извинения, но попытка воспроизвести ее отчаянный диалект без фонетической транскрипции неосуществима за пределами Лондона.

Дочь. Только этого еще не хватало!

Мать. Не вмешивайся, Клара. Есть у тебя мелочь?

Дочь. Шестипенсовик. Мельче нет.

Цветочница (*с надеждой*). Так я вам его разменяю, леди.

Мать (*Кларе*). Дай сюда.

Дочь неохотно подчиняется.

Так. (*Цветочнице.*) Вот вам за цветы, милая.

Цветочница. Премного благодарна...

Дочь. Пусть она даст сдачи. Такому букетику красная цена – пенни.

Мать. Помолчи, Клара. (*Цветочнице.*) Сдачу оставьте себе.

Цветочница. У... у... у... х, спасибо вам, леди.

Мать. А теперь скажите мне, откуда вам известно имя этого молодого человека?

Цветочница. Да я его и не знаю.

Мать. Но я слышала, как вы называли его по имени. Не обманывайте меня.

Цветочница (*возражая*). А чего мне вас обманывать? Ну, Фредди, Чарли – не все одно? Надо же из вежливости как-то назвать человека. (*Усаживается возле своей корзины.*)

Дочь. Зря только выбросили шесть пенсов. Право, мама, тут уж вы могли бы пощадить Фредди. (*Брезгливо отступает за колонну.*)

Пожилый джентльмен – привлекательный тип старого военного – спешит укрыться от дождя, закрывая на ходу зонтик, с которого льет вода. У него, как и у Фредди, брюки внизу совершенно мокрые. Он в вечернем костюме и легком пальто. Занимает освободившееся место у колонны слева.

Джентльмен. Уф-ф!

Мать (*джентльмену*). Ну, как там, сэр? Просвета все еще не видно?

Джентльмен. Ни малейшего намека. Напротив, дождь усиливается. (*Подходит к тому месту, где сидит цветочница, ставит ногу на плинтус колонны и, нагнувшись, подвертывает мокрые брюки.*)

Мать. О господи! (*Огорченно отходит к дочери.*)

Цветочница (*пользуется соседством пожилого джентльмена, чтобы завязать с ним дружеские отношения*). Раз опять припустил, значит, конец видать. Не огорчайтесь, кэптен, купите лучше букетик у бедной девушки.

Джентльмен. К сожалению, у меня нет мелочи.

Цветочница. Я вам разменяю, кэптен.

Джентльмен. Соверен? Мельче у меня нет.

Цветочница. Ух ты! Купите цветочек, кэптен, купите! Полкроны я еще разменяю. Возьмите вот этот – всего два пенса.

Джентльмен. Не приставай ко мне, девочка, – это нехорошо. (*Шарит по карманам.*) У меня в самом деле нет мелочи... Пстой-ка! Вот три монетки по полпенса, если тебя устроит... (*Переходит к другой колонне.*)

Цветочница (*разочарованно, но понимая, что полтора пенса лучше, чем ничего*). Спасибо вам, сэр.

Прохожий (*цветочнице*). Эй ты, полегче, взяла деньги – так дай ему цветок. Видишь вон того типа за колонной? Он записывает каждое твое слово.

Все оборачиваются к человеку с записной книжкой.

Цветочница (*испуганно вскакивая*). Что я худого сделала? Ну, заговорила с джентльменом – так я имею право продавать цветы, если на тротуар не лезу. (*Истерически.*) Я девушка порядочная! Я ничего такого ему не сказала – просто попросила купить цветочек...

Общий шум. Большая часть публики сочувствует цветочнице, но осуждает ее чрезмерную чувствительность. Люди пожилые, солидные треплют ее по плечу, бросая ободряющие реплики вроде: «Чего расхныкалась? Кто тебя трогает? Кому ты нужна? К чему шум поднимать? Ну-ну, успокойся. Будет, будет!» Менее терпеливые рекомендуют ей заткнуть глотку или сердито спрашивают, чего, собственно, она разоралась. Те, что стояли далеко и не знают, в чем дело, спешат к месту происшествия и усугубляют суматоху расспросами и объяснениями: «Что за шум? Что она натворила? Где он? Да вот, заступал ее легавый. Какой? Да вон тот, за колонной. Деньги у джентльмена выманила». И так далее. Цветочница, оглушенная и растерянная, протискивается сквозь толпу к джентльмену и громко вопит.

Цветочница. Ой, сэр, пожалуйста, не велите ему заявлять на меня! Вы не знаете, что мне за это будет! У меня отберут патент, меня выкинут на улицу за приставање к мужчинам. Они мне...

Человек с записной книжкой (*выходит вперед, толпа окружает его*). Ну, хватит, хватит! Кто вас обижает, глупая вы девчонка! За кого вы меня принимаете?

Прохожий. Все в порядке. Это джентльмен – поглядите, какие у него ботинки. (*Объясняет человеку с записной книжкой.*) Она думала, сэр, что вы легавый.

Человек с записной книжкой (*с живым интересом*). А что значит «легавый»?

Прохожий (*не находя определения*). Легавый – это... это... ну, одним словом, легавый. Как его иначе назовешь? Ну, вроде сыщика или полицейского агента.

Цветочница (*все еще истерически*). Да я на Библии могу присягнуть, что ничего такого...

Человек с записной книжкой (*повелительно, но добродушно*). Довольно! Замолчите наконец. Разве я похож на полицейского?

Цветочница (*далеко не успокоенная*). А зачем тогда записывали каждое слово? Почему я знаю, что вы там накатали? А ну-ка, покажите, что у вас там обо мне накарякано?

Он раскрывает записную книжку и сует ей под нос. Толпа, пытаясь прочесть написанное через его плечо, напирает так, что человек послабее не устоял бы на ногах.

Чего это? Написано-то не по-нашему. Я не разбираю...

Человек с записной книжкой. Зато я разберу. (*Читает, точно воспроизводя ее выговор.*) «Ни огарчайтись, кэптин, купитя лучше пукетик у бенной девушки».

Цветочница (*в полном смятении*). Может, вы за то, что я его назвала «кэптен»? Так я ж ничего плохого не думала. (*Джентльмену.*) Ах, сэр, не велите ему на меня заявлять, за одно только слово. Вы...

Джентльмен. О чем заявлять? Я вас ни в чем не обвиняю. (*К человеку с записной книжкой.*) Право, сэр, хоть вы и сыщик, вам вовсе незачем ограждать меня от приставаний, пока я сам не попрошу. Слепому ясно, что у девушки не было дурных намерений.

Голоса в толпе (*протестующие против полицейского произвола*). Правильно! Чего он суется? Пусть лучше занимается своим делом! Не видите, что ли? Он выслужиться захотел! Каждое слово за человеком записывает! Девушка с ним слова не сказала! А хоть бы и сказала! Хорошенькое дело, девушке уж и от дождя нельзя укрыться, чтобы ее не оскорбили. (*И т. д. и т. п.*)

Прохожие, настроенные наиболее сочувственно, отводят цветочницу обратно к колонне, где она снова усаживается, стараясь побороть волнение.

Прохожий. Никакой он не сыщик. Просто любит соваться в чужие дела. Я же вам говорю, посмотрите на его ботинки.

Человек с записной книжкой (*обернувшись к нему, сердечно*). Как поживают ваши родные в Селси?

Прохожий (*подозрительно*). А кто вам сказал, что мои родные из Селси?

Человек с записной книжкой. Не важно кто. Ведь это же так. (*К цветочнице.*) А вас как занесло так далеко на восток? Вы ведь родились в Лисонгрове.

Цветочница (*ошеломленная*). А что такого, если я уехала из Лисонгрова? Я там в конуре вонючей жила – у свиньи хлев и то лучше, – а платила четыре шиллинга шесть пенсов в неделю. (*Заливается слезами.*) О... о... о... ой... ой... ой!

Человек с записной книжкой. Живите где угодно, только прекратите реветь.

Джентльмен (*девушке*). Ну полно, полно! Он не тронет тебя, ты имеешь право жить где хочешь.

Саркастический прохожий (*протискиваясь между человеком с записной книжкой и джентльменом*). Например, в собственном особняке на Парк-лейн. А знаете, я не прочь обсудить с вами жилищную проблему.

Цветочница (*пригорюнившись над корзиной, потихоньку причитает*). Я девушка честная. Да, честная.

Саркастический прохожий (*не обращая на нее внимания*). Ну, а откуда я родом, вы знаете?

Человек с записной книжкой (*не моргнув глазом*). Из Хокстона.

В толпе хихикают. Интерес к человеку с записной книжкой явно возрастает.

Саркастический прохожий (*пораженный*). Угадал, ничего не скажешь. Черт побери, да вы действительно всезнайка.

Цветочница (*все еще переживая нанесенную ей обиду*). Нет у него таких прав, чтобы лезть в чужие дела. Чего он ко мне пристал?

Прохожий (*цветочнице*). Верно! Вот ты ему и не спускай. (*К человеку с записной книжкой.*) Послушайте, а на каком таком основании вы все знаете о людях, которые с вами не желают иметь дела? Где ваше удостоверение?

Несколько человек из толпы (*ободренные ссылкой на статью закона*). Точно! Где у вас удостоверение?

Цветочница. А пусть его болтает чего вздумается! Не хочу я с ним связываться.

Прохожий. А все потому, что вы нас за людей не считаете. С джентльменом вы бы себе шутки шутить не позволили.

Саркастический прохожий. Верно! Если уж взялись ворожить, так скажите нам – откуда он взялся? (*Указывает на пожилого джентльмена.*)

Человек с записной книжкой. Челтенхем, Харроу, Кембридж, позднее Индия.

Джентльмен. Совершенно верно.

Толпа раздражается хохотом. Теперь сочувствие явно на стороне человека с записной книжкой. Раздаются восклицания: «Все насквозь знает! Так и отрезал! Слыхали, как он ему выложил, что, да как, да где?»

И т. д.

Джентльмен. Позвольте спросить, сэр. Вы, наверно, из мюзик-холла? Зарабатываете этим номером на жизнь?

Человек с записной книжкой. Я уже подумывал об этом. Возможно, когда-нибудь попробую.

Дождь прекратился, и толпа понемногу начинает расходиться.

Цветочница (*недовольная переменой общего настроения не в ее пользу*). Никакой он не порядочный. Порядочный не станет обижать бедную девушку.

Дочь (*потеряв терпение, бесцеремонно проталкивается вперед*). Куда же пропал Фредди? Я схвачу воспаление легких, если еще постою на этом сквозняке.

Пожилый джентльмен, вежливо сторняясь, отступает за колонну.

Человек с записной книжкой (*поспешно делает отметку, повторив про себя*).
Эрлкорт.

Дочь (*возмущенно*). Попрошу держать при себе свои дерзости.

Человек с записной книжкой. Неужели я сказал что-либо вслух? Простите, это невольно. Но матушка ваша, несомненно, из Эпсома.

Мать (*подходит к дочери и становится между ней и человеком с записной книжкой*). Подумайте, как интересно! Я действительно выросла в Широкаледи-парк, неподалеку от Эпсома.

Человек с записной книжкой (*весело смеясь*). Ха-ха-ха! Черт, ну и название. (*К дочери*.) Простите, вам, кажется, нужно такси?

Дочь. Как вы смеете обращаться ко мне?!

Мать. Клара, Клара!

Дочь сердито пожимает плечами и, не удостоив ответом, с надменным видом отходит в сторону.

Мы были бы страшно признательны вам, сэр, если бы вы достали для нас такси.

Человек с записной книжкой вытаскивает свисток. Мать отходит к дочери. Человек с записной книжкой пронзительно свистит.

Саркастический прохожий. Видали? Я же говорил, что это шпик, только в штатском.

Прохожий. Нет, у него не полицейский свисток, а спортивный.

Цветочница (*все еще негодуя*). Нет у него таких прав, чтобы забрать мой патент. Мне нужен патент, как и всякой леди.

Человек с записной книжкой. Кстати, вы заметили, что дождь уже перестал?

Прохожий. И верно. Чего же вы раньше не сказали? А то мы торчим здесь и теряем время, слушаем ваши глупости. (*Уходит по направлению к Стрэнду.*)

Саркастический прохожий. А я могу сказать, откуда вас самих принесло. Из психической лечебницы. Возвращайтесь-ка туда.

Человек с записной книжкой (*поправляя*). Психиатрической.

Саркастический прохожий (*стараясь говорить изысканно*). Весьма признателен, господин учитель. Ха-ха-ха! Всего наилучшего! (*Издавательски-почтительно приподнимает шляпу и уходит.*)

Цветочница. Людей только пугает! Самого бы его пугнуть.

Мать. Дождя нет, Клара. Теперь можно добраться до автобуса. Идем. (*Подбирает юбку и торопливо уходит по направлению к Стрэнду.*)

Дочь. А как же такси...

Мать уже не слышит ее.

Ах, как мне все надоело! (*С раздраженным видом следует за матерью.*)

Вся публика постепенно разошлась. Остались только человек с записной книжкой, джентльмен и цветочница, которая сидит и, укладывая в корзину цветы, продолжает тихо жаловаться на судьбу.

Цветочница. Бедная ты девушка! И так тебе жизни нет, а тут еще каждый цепляется да надсмехается.

Джентльмен (*возвращаясь на свое прежнее место, слева от человека с записной книжкой*). Могу я узнать, как это у вас получается?

Человек с записной книжкой. Фонетика и еще раз фонетика. Наука о произношении. Моя профессия и моя страсть. Поистине счастлив тот, кому любимое занятие дает средства к жизни. Ирландца или йоркширца легко узнать по акценту. Но я могу определить место рождения человека с точностью до шести миль, а в Лондоне – двух. Иногда даже в пределах двух улиц.

Цветочница. Стыда на вас нет, бессовестный!

Джентльмен. Неужели этим можно заработать на жизнь?

Человек с записной книжкой. Конечно, можно. И на вполне приличную жизнь. Наш век – это век выскочек. Есть люди, которые начинают в Кентиштауне, живя на восемьдесят фунтов, а кончают в особняке на Парк-лейн, имея сто тысяч годового дохода. Они хотят отделаться от Кентиштауна, но стоит им раскрыть рот, как они выдают себя. Я же могу научить их...

Цветочница. Занимался бы лучше своим делом, чем мучить бедную девушку.

Человек с записной книжкой (*вспылив*). Женщина! Сейчас же прекрати свое мерзкое нытье или ищи себе место на другой паперти.

Цветочница (*с робким вызовом*). Я имею право тут сидеть, как и вы.

Человек с записной книжкой. Женщина, издающая такие омерзительные и убогие звуки, не имеет права сидеть где бы то ни было. Она вообще не имеет права жить. Не забывайте, что вы человеческое существо, наделенное душой и божественным даром членораздельной речи. Ваш родной язык – язык Шекспира, Мильтона и Библии. А вы тут сидите и квакаете, как простуженная лягушка.

Цветочница (*совершенно подавленная, боясь поднять голову, искоса смотрит на него со смешанным чувством удивления и осуждения*). Ай... о... о... у... у... а!

Человек с записной книжкой (*хватаясь за карандаш*). Боже мой! Что за звуки! (*Записывает, затем, глядя в книжку, читает, точно воспроизводя сочетание звуков.*) Ай... о... о... у... у... у... а!

Цветочница (*довольная представлением, невольно смеется*). Ух ты!

Человек с записной книжкой. Взгляните на эту девчонку! Слышали вы, на каком жаргоне она говорит? Этот жаргон навсегда приковал ее к панели. Так вот, сэръ, дайте мне три месяца, и эта девушка сойдет у меня за герцогиню на приеме в любом посольстве. Я даже смогу устроить ее горничной или продавщицей в магазин, где надо говорить совсем уж безукоризненно. Нашим миллионерам я оказываю услуги именно этого рода, а на заработанные деньги веду научные изыскания в области фонетики и немножко занимаюсь поэзией – в духе Мильтона.

Джентльмен. Я сам изучаю индийские диалекты и...

Человек с записной книжкой (*с нетерпением*). Серьезно? А не знаете ли вы, случайно, полковника Пикеринга, автора «Разговорного санскрита»?

Джентльмен. Я и есть полковник Пикеринг. А кто вы?

Человек с записной книжкой. Генри Хигинс – изобретатель «Универсального алфавита Хигинса».

Пикеринг (*восторженно*). Я же приехал из Индии, чтобы повидаться с вами!

Хигинс. А я собирался в Индию, чтобы встретиться с вами!

Пикеринг. Где вы живете?

Хигинс. Уимпол-стрит, двадцать семь «а». Жду вас у себя завтра же.

Пикеринг. Я остановился в отеле «Карлтон». Идемте ко мне, мы еще успеем перекинуться словечком за ужином.

Хигинс. С восторгом!

Цветочница (*Пикерингу, когда он проходит мимо*). Купите цветочек, добрый джентльмен, а то мне за квартиру платить нечем.

Пикеринг. К сожалению, у меня в самом деле нет мелочи. (*Уходит.*)

Хигинс (*возмущенный лживостью девушки*). Лгунья! Вы же говорили, что можете разменять полкроны.

Цветочница (*в отчаянии вскакивая*). Сердце у вас каменное, вот что! (*Швыряет к его ногам корзину.*) Нате, забирайте всю эту чертову корзину за шесть пенсов.

Часы на колокольне бьют половину двенадцатого.

Хигинс (*услышав в этом бое укор свыше за фарисейскую жестокость к бедной девушке*). Глас божий! (*Торжественно приподнимает шляпу, затем бросает в корзину пригоршню монет и уходит вслед за Пикерингом.*)

Цветочница (*вытаскивая полкроны*). Ау... у... у... ох! (*Вытаскивает два флорина.*) У... а... а... ооу! (*Вытаскивая еще несколько монет.*) Ую... ю... ю... ай! (*Вытаскивая полсоверена.*) А... а... а... ха... ха... ха... ой!

Фредди (*выскакивая из такси*). Наконец-то достал! Хелло! (*Цветочнице.*) Тут стояли две дамы. Не знаете, где они?

Цветочница. А как дождь кончился, так они к автобусу и потопали.

Фредди. Безобразие! А что я буду делать с такси?

Цветочница (*величественно*). Не беспокойтесь, молодой человек. На вашей такси поеду домой я.

Проплывает мимо Фредди к машине. Шофер при виде ее поспешно захлопывает дверцу. Понимая его сомнения, она гордо показывает ему пригоршню монет.

Видал, Чарли? Восемь пенсов для нас – кха, тьфу!

Шофер ухмыляется и открывает ей дверцу.

Энджел-корт, Друри-Лейн, за керосиновой лавкой. И жми на всю железку!

С шумом захлопывает дверцу. Такси трогается.

Фредди. Вот это номер!

Действие второе

Одиннадцать утра. Кабинет Хигинса на Уимпол-стрит. Это комната в первом этаже, окнами на улицу, первоначально предназначавшаяся под гостиную. Посередине задней стены – двустворчатая дверь: входя через нее, видишь справа у стены два высоких картотечных шкафа, стоящих под прямым углом друг к другу. Там же письменный стол, где громоздятся фонограф, ларингоскоп, батарея тонких органных труб с воздуходувными мехами, ряд газовых горелок под ламповыми стеклами, подсоединенных резиновым шлангом к газовому розжку на стене, несколько разного размера камертонов, муляж человеческой головы в натуральную величину, показывающий голосовые органы в разрезе, и коробка с запасными восковыми валиками для фонографа. По эту же сторону – камин; возле него, ближе к двери, – удобное кожаное кресло и ящик для угля. На каминной доске – часы.

Между письменным столом и камином – журнальный столик. По левую руку от двери – шкафчик с неглубокими ящиками; на нем телефон и телефонная книга. Почти вся остающаяся часть левого угла занята концертным роялем, расположенным хвостом к двери; перед роялем не табурет, как обычно, а скамейка во всю длину клавиатуры. На рояле ваза с фруктами и сладостями, преимущественно шоколадными конфетами. Середина кабинета пуста. Кроме кресла, скамейки и двух стульев у письменного стола, в комнате есть лишь еще один стул, не имеющий определенного назначения. Сейчас он придвинут к камину. На стенах гравюры, в основном Пиранези, и портреты меццо-тинто. Картин нет. Пикеринг, сидя у стола, раскладывает по местам камертон и карточки, которыми только что пользовался. Хигинс, стоя рядом, у картотеки, водворяет обратно выдвинутые ящики. Сейчас, при дневном свете, видно, что это крепкий, жизнерадостный, отменного здоровья мужчина лет сорока, в костюме, свидетельствующем о принадлежности к определенной профессии, – черный сюртук, крахмальным воротничок, черный шелковый галстук. Он один из тех энергичных людей науки, которые глубоко, даже страстно интересуются всем, что может служить предметом научного исследования, и в то же время равнодушны к себе и ближним, а заодно и к их чувствам. Несмотря на возраст и внушительную комплекцию, он, в сущности, очень похож на непоседу ребенка, который шумно и бурно реагирует на все, что привлекает его внимание, и за которым нужно внимательно присматривать, чтобы он не натворил беды. По-детски неустойчиво и его поведение: добродушная ворчливость в минуты хорошего настроения мгновенно сменяется у него яростными вспышками, как только ему что-нибудь не по нраву; но он так непосредствен и бесхитростен, что симпатичен даже тогда, когда заведомо не прав.

Хигинс (задвигая последний ящик). Ну вот, как будто и все.

Пикеринг. Поистине потрясающе. Но знаете, я не воспринял даже половины.

Хигинс. Хотите снова прослушать на выбор?

Пикеринг (встает, подходит к камину и становится спиной к огню). Нет, спасибо, больше не могу. На сегодня хватит.

Хигинс (идет за ним и становится рядом, с левой стороны). Устали слушать звуки?

Пикеринг. Да. Ужасное напряжение. А я-то гордился, что могу отчетливо произнести двадцать четыре гласных. Но ваши сто тридцать сразили меня. В большинстве случаев я даже не могу уловить разницу между ними.

Хигинс (посмеиваясь, отходит к роялю и берет за конфеты). Вопрос привычки. Вначале вы не улавливаете разницы; но вслушайтесь хорошенько и вскоре убедитесь, что они отличаются друг от друга, как А от Б.

В комнату заглядывает миссис Пирс, экономка Хигинса.

В чем дело, миссис Пирс?

Миссис Пирс (*колеблясь: она явно растерянна*). Какая-то юная особа желает вас видеть, сэр.

Хигинс. Юная особа? А что ей угодно?

Миссис Пирс. Видите ли, сэр, она утверждает, что вы очень обрадуетесь, когда узнаете, зачем она пришла. Совсем простая девушка, сэр. Из самых простых. Я бы сразу выпроводила ее, но подумала, может быть, она вам нужна, чтобы наговаривать в ваши машины. Не знаю, правильно ли я поступила, но к вам иногда приходят такие странные люди... Надеюсь, вы меня извините, сэр...

Хигинс. Ничего, ничего, миссис Пирс. А у нее забавное произношение?

Миссис Пирс. Кошмарное, сэр, просто кошмарное. Не понимаю, как вы можете интересоваться такими вещами.

Хигинс (*Пикерингу*). Давайте послушаем. Тащите ее сюда, миссис Пирс. (*Бросается к письменному столу и достает новый валик для фонографа.*)

Миссис Пирс (*подчиняясь не без внутренней борьбы*). Слушаю, сэр. Как вам угодно. (*Уходит.*)

Хигинс. Какая удача! Я покажу вам, как делаю запись. Заставим ее говорить – я запишу ее сначала по системе Белла, а затем латинским алфавитом. Потом запишем ее на фонограф, и вы сможете прослушивать запись сколько захотите, сравнивая звук с транскрипцией.

Миссис Пирс (*возвращаясь*). Вот эта юная особа, сэр.

Входит цветочница. Она в полном параде. На голове у нее шляпа с тремя страусовыми перьями оранжевого, небесно-голубого и красного цвета. Ее передник почти чист, и грубошерстное пальто подверглось воздействию щетки. Пафос этой жалкой фигурки, с ее наивным тщеславием и видом важной дамы, трогает Пикеринга, который и так уже выпрямился в кресле при появлении миссис Пирс. Что касается Хигинса, то ему безразлично, с мужчиной или женщиной он имеет дело, разница заключается лишь в том, что в тех случаях, когда он не воздевает руки к небу в отчаянии от тупости какого-нибудь небесного создания или же не помыкает им, он заискивает перед женщиной, как ребенок перед своей нянькой, когда ему хочется выпросить у нее что-нибудь.

Хигинс (*сразу узнав цветочницу и не скрывая своего разочарования, которое у него, как у ребенка, превращается в смертельную обиду*). Это же та девчонка, которую я записал вчера вечером. Она нам не нужна. У меня достаточно записей с лисонгровским жаргоном. Нет смысла тратить на нее еще один валик. (*Цветочнице.*) Уходите, вы нам не нужны.

Цветочница. А вы не задирайте нос раньше времени! Вы еще не знаете, зачем я пришла. (*К миссис Пирс, которая остановилась в дверях, ожидая дальнейших приказаний.*) Вы сказали ему, что я приехала на такси?

Миссис Пирс. Какие глупости, моя милая! Неужели вы думаете, что такому джентльмену, как мистер Хигинс, не все равно, на чем вы приехали?

Цветочница. Ого, какие мы гордые! А ведь он не брезговал давать уроки, я сама слышала, как он говорил. Ну так вот! Я сюда не кланяться пришла. Если мои денежки вам не по вкусу, я пойду к другому.

Хигинс. При чем здесь ваши деньги?

Цветочница. Как при чем? При том, что я пришла брать уроки. Теперь расчухали? И платить за них собираюсь, не сумлевайтесь!

Хигинс (*ошеломлен*). Ну, знаете! (*С трудом переводя дыхание.*) И чего же вы ожидаете от меня?

Цветочница. А были бы вы джентльменом, так для начала предложили бы мне сесть. Я ведь уже сказала, что дам вам заработать.

Хигинс. Пикеринг, как мы поступим с этим пугалом? Предложим ей сесть или вышвырнем ее за окно?

Цветочница (*в ужасе отступает за рояль, готовая отчаянно защищаться*). А-а-о-о-у-у. (*Оскорбленная в своих лучших чувствах, хнычет.*) Что вы обзываете меня пугалом? Я же сказала, что буду платить, как всякая другая леди.

Мужчины, остолбенев, растерянно смотрят на нее.

Пикеринг (*мягко*). Чего вы хотите, дитя мое?

Цветочница. Я хочу быть продавщицей в цветочном магазине, а не торговать фиалками на углу Тотенхэм-Корт-роуд. А меня туда не возьмут, если я не буду выражаться по-образованному. А он сказал, что берется научить меня. Я не прошу никаких одолжений, понятно? Я могу заплатить, а он меня обзывает, словно я дрянь последняя.

Миссис Пирс. Как можно быть такой глупой, невежественной девушкой? Неужели вы думаете, что вы в состоянии брать уроки у мистера Хигинса?

Цветочница. А почему бы нет? Я не хуже вас знаю, почему стоят уроки, и согласна платить.

Хигинс. Сколько?

Цветочница (*приближаясь к нему, торжествующе*). Наконец-то заговорил по-людски. Я ведь знала: стоит вам увидеть, что можно вернуть хоть часть того, что вы швырнули мне вчера вечером, вы сразу станете поговорчивее. (*Доверительно.*) Малость подзаложили за галстук, а?

Хигинс (*повелительно*). Сядьте!

Цветочница. Только выкиньте из головы, что мне из милости...

Хигинс (*громовым голосом*). Кому я сказал? Сядьте!

Миссис Пирс (*строго*). Садитесь, моя милая. Делайте, что вам велят. (*Придвигает свободный стул к камину между Хигинсом и Пикерингом и становится за ним, ожидая, пока девушка сядет.*)

Цветочница. А... аааоооу... у. (*Стоит ошеломленная, но с вызывающим видом.*)

Пикеринг (*с изысканной вежливостью*). Не присядете ли?

Цветочница (*неуверенно*). Что ж, это можно. (*Садится.*)

Пикеринг возвращается к камину.

Хигинс. Как вас зовут?

Цветочница. Элиза Дулитл.

Хигинс (*торжественно декламирует*). Элиза, Элизабет, Бетси и Бесс. Удрали за птичьими гнездами в лес.

Пикеринг. В гнезде там четыре яйца отыскали.

Хигинс. Оставили три, а по штучке забрали.

Оба заливаются хохотом, довольные своим остроумием.

Элиза. Хватит дурить-то!

Миссис Пирс. Так, милая, с джентльменами говорить не полагается.

Элиза. А чего он со мной не по-людски разговаривает?

Хигинс. Вернемся к делу. Сколько же вы намерены платить за уроки?

Элиза. Да уж я знаю, сколько положено. Моя подружка берет уроки французского языка по восемнадцать пенсов за час. Так то у настоящего француза. А у вас ведь не хватит нахальства брать с меня за мой родной язык столько же. Вот я и не дам больше шиллинга. Хотите – берите, не хотите – как хотите.

Хигинс (*расхаживает по комнате и, засунув руки в карманы, позванивает ключами и мелочью*). Знаете, Пикеринг, если рассматривать шиллинг не просто как шиллинг, а как некий процент с ее заработка, то он для нее то же, что шестьдесят – семьдесят фунтов для какого-нибудь миллионера.

Пикеринг. То есть как?

Хигинс. А вот так – посчитайте сами. Миллионер имеет примерно сто пятьдесят фунтов в день. Она зарабатывает примерно полкроны.

Элиза (*заносчиво*). Кто это вам сказал, что я зарабатываю только...

Хигинс (*продолжая*). Она предлагает мне за уроки две пятых своего дневного дохода. Две пятых дневного дохода миллионера составили бы примерно шестьдесят фунтов. Недурно! Нет, черт побери, колоссально! Это, пожалуй, самый высокий гонорар в моей жизни.

Элиза (*вскочив в ужасе*). Шестьдесят фунтов! Что вы такое городите! Я и не думала предлагать вам шестьдесят фунтов. Откуда мне их взять...

Хигинс. Придержите язык!

Элиза (*плача*). Нету у меня столько...

Миссис Пирс. Не плачьте, глупенькая. Сядьте. Никто не возьмет ваших денег.

Хигинс. Зато кто-то возьмет метлу и всыпет вам как следует, если не перестанете реветь. Сядьте.

Элиза (*нехотя повинуется*). О-о-о... а-а-у. Полегче – вы мне пока что не отец!

Хигинс. Если уж я возьмусь вас учить, то буду страшнее двух отцов. Натэ. (*Протягивает ей свой шелковый носовой платок.*)

Элиза. Это еще для чего?

Хигинс. Чтобы вытирать глаза. Вытирать нос, вытирать все, что окажется мокрым; и запомните: вот это – платок, а это – рукав. Не путайте их, если хотите стать леди и поступить в цветочный магазин.

Окончательно сбитая с толку, Элиза беспомощно смотрит на него.

Миссис Пирс. Бесполезно с ней говорить, мистер Хигинс: она же вас не понимает. Кроме того, вы не правы, она рукавом не утирается. (*Берет у нее носовой платок.*)

Элиза (*вырывая платок*). Еще чего! Отдавайте платок! Он не вам его дал, а мне.

Пикеринг (*смеясь*). Верно. Боюсь, миссис Пирс, что платок теперь придется рассматривать как ее собственность.

Миссис Пирс (*подчиняясь силе обстоятельств*). Так вам и надо, мистер Хигинс.

Пикеринг. Послушайте, Хигинс! Мне пришла в голову интересная мысль. Помните, вы похвастались, что сумели бы выдать ее за герцогиню на приеме в посольстве? Если вам это удастся, я признаю, что вы лучший педагог в мире. Держу пари на все издержки по эксперименту, что вам это не удастся. Я даже согласен платить за ее уроки.

Элиза. Вот это добряк! Спасибо, кэптен.

Хигинс (*готовый поддаться искушению, смотрит на Элизу*). Чертовски соблазнительно! Она так неподражаемо вульгарна, так невероятно грязна.

Элиза (*с возмущением*). Оау-о-о-о-о-о. И совсем я не грязная. Я мыла и лицо, и руки, а потом уж пошла к вам. Вот!

Пикеринг. Вы, безусловно, не вскружите ей голову комплиментами, Хигинс.

Миссис Пирс (*с беспокойством*). Не скажите, сэр. Есть много способов вскружить голову девушке, и нет человека, который бы умел это делать лучше, чем мистер Хигинс, пусть даже не всегда умышленно. Надеюсь, сэр, вы не толкнете его на безрассудные поступки.

Хигинс (*зажигаясь идеей Пикеринга*). Что такое жизнь, как не ряд безрассудных поступков? Вот повод для них найти труднее. Никогда не упускай случая: он подворачивается не каждый день. Согласен! Я сделаю герцогиню из этой чумички, из этого грязного, вонючего окурка!

Элиза (*энергично протестуя против такой оценки ее особы*). Оооооаау!

Хигинс (*с увлечением*). Через полгода, да нет, через три месяца, если у нее хороший слух и гибкий язык, я свезу ее куда угодно и выдам за кого угодно. Начнем сегодня же!

Сейчас! Сию минуту! Миссис Пирс, возьмите ее и отмойте хорошенько! Не поможет мыло, трите наждаком! Плиту вы уже затопили?

Миссис Пирс (*протестуя*). Да, но...

Хигинс (*неистово*). Сорвите с нее все эти тряпки и немедленно сожгите. Позвоните к Уайтли или в любой магазин и велите прислать все новое! А пока не привезут – заверните ее в газету.

Элиза. Вы не джентльмен, никакой вы не джентльмен, если говорите такие вещи. Я честная девушка, да, честная. Знаю я таких, как вы! Видала!

Хигинс. Вот что, милая, хватит с меня вашей лисонгровской добродетели. Вы должны теперь учиться вести себя как герцогиня. Уведите ее, миссис Пирс. Если она не будет слушаться, вздуйте ее!

Элиза (*вскакивает и бросается к Пикерингу, ища защиты*). Нет! Я позову полицию, вот увидите, позову!

Миссис Пирс. Но у меня нет для нее места.

Хигинс. Суньте ее в мусорное ведро!

Элиза. Аааааааааа!

Пикеринг. Ну-ну, Хигинс! Будьте же благоразумны!

Миссис Пирс (*решительно*). Вы должны быть благоразумны, мистер Хигинс, право, должны. Нельзя так третировать людей.

Хигинс, получив нагоняй, стихает. Ураган переходит в ласкающий ветерок изумления.

Хигинс (*с профессиональной изысканностью модуляций*). Я третирую людей! Дорогая моя миссис Пирс, дорогой мой Пикеринг, я не имел ни малейшего намерения третировать кого бы то ни было. Наоборот! Я считаю, что все мы должны как можно лучше отнестись к этой бедной девушке. Мы должны подготовить ее к новому образу жизни и помочь ей освоиться с ним. Если я недостаточно вразумительно высказывался, то делал это лишь из боязни ранить ее или ваши чувства.

Элиза, успокоившись, пробирается на свое прежнее место.

Миссис Пирс (*Пикерингу*). Нет, вы слыхали что-либо подобное, сэр?

Пикеринг (*смеясь от души*). Никогда, миссис Пирс, никогда.

Хигинс (*терпеливо*). А в чем, собственно, дело?

Миссис Пирс. А дело в том, что нельзя же вот так просто подобрать девушку, как подбирают камешек на пляже.

Хигинс. А почему бы нет?

Миссис Пирс. Как почему? Да ведь вы ничего о ней не знаете. Кто ее родители? К тому же она может быть замужем.

Элиза. Черта с два!

Хигинс. Вот именно. Как совершенно справедливо выразилась девушка – черта с два! Какой там замужем! Разве вы не знаете, что женщина ее происхождения, пробыв год замужем, выглядит как пятидесятилетняя поденщица.

Элиза. Да кто на мне женится!

Хигинс (*внезапно переходя на самые волнующие, низкие ноты своего голоса и к самым убедительным приемам своего красноречия*). Клянусь вам, Элиза, еще прежде чем я успею обучить вас, улицы у вашего дома будут усеяны трупами мужчин, застрелившихся от безумной любви к вам.

Миссис Пирс. Хватит, сэр. Вам не следует так разговаривать с ней.

Элиза (*решительно встает и выпрямляется*). Я ухожу. У него у самого не все дома! Ясно! Не нужно мне тронутых учителей!

Хигинс (*оскорбленный до глубины души тем, что она осталась глуха к его красноречию*). Ах вот как! Я сумасшедший, не так ли? Прекрасно. Миссис Пирс, не заказывайте ей новые платья. Вышвырните ее.

Элиза (*хнычет*). Легче, легче... Нет у вас таких прав, чтобы меня трогать.

Миссис Пирс. Видите, к чему приводит дерзость. (*Указывая на дверь*.) Сюда, пожалуйста.

Элиза (*чуть не плача*). Я и не просила платьев. Я бы все равно их не взяла. (*Бросает платок Хигинса*.) Я сама могу себе платья купить.

Хигинс (*ловко подхватывает платок и загоразживает ей дорогу*). Вы дрянная, неблагодарная девчонка. Вот как вы мне платите за то, что я хотел вытащить вас из грязи, красиво одеть и сделать настоящей леди.

Миссис Пирс. Довольно, мистер Хигинс! Я этого не допущу. Дурно поступаете вы, а не она. Возвращайтесь домой к родителям, дитя мое, и скажите им, чтобы они лучше смотрели за вами.

Элиза. Нет у меня никаких родителей. Они сказали, что я уже взрослая, сама могу прокормиться, и выгнали меня.

Миссис Пирс. А где ваша мать?

Элиза. Нет у меня матери. А выгнала меня моя мачеха... шестая. Ну и наплевать – я и без них обхожусь. Но вы не думайте, я девушка честная.

Хигинс. Вот и прекрасно! К чему тогда весь шум? «Нет у нее никаких родителей». Девушка никому не принадлежит и никому не нужна, кроме меня. (*Подходит к миссис Пирс и вкрадчиво убеждает*.) Вы же можете удочерить ее, миссис Пирс. Иметь дочку – такая радость. А теперь довольно болтовни. Тащите ее вниз и...

Миссис Пирс. Но что станет с ней? Собираетесь ли вы платить ей? Опомнитесь же, сэр.

Хигинс (*нетерпеливо*). Да платите вы ей сколько положено; можете занести это в графу хозяйственных расходов. А зачем, черт побери, ей деньги? У нее будет вдоволь еды и платьев. А если дать ей денег, она запыет.

Элиза (*набрасываясь на него*). Совести у вас нет! Все вы врете! В жизни никто не видел, чтобы я хоть каплю спиртного в рот взяла. (*Возвращается к своему стулу и с вызывающим видом садится*.)

Пикеринг (*с добродушным упреком*). А вам не приходит в голову, Хигинс, что у девушки могут быть какие-то чувства?

Хигинс (*критически осматривая ее*). Нет, вряд ли. Во всяком случае, не такие, которые следовало бы принимать во внимание. (*Весело*.) Есть у вас какие-нибудь чувства, Элиза, а?

Элиза. У меня чувства такие, как у всех людей.

Хигинс (*задумчиво*). Понимаете вы, Пикеринг, в чем трудность?

Пикеринг. Что? Какая трудность?

Хигинс. Исправить произношение легко. Научить грамотно говорить – куда труднее.

Элиза. Не желаю я грамотно говорить. Я хочу говорить как леди.

Миссис Пирс. Мистер Хигинс, прошу вас, не уклоняйтесь в сторону. Я должна знать, на каких условиях остается здесь девушка. Собираетесь вы платить ей жалованье? Что станет с ней, когда вы кончите ее учить? Надо же хоть немного посмотреть вперед, сэр.

Хигинс (*нетерпеливо*). А что станет с ней, если я оставлю ее в канаве? Ответьте-ка мне на этот вопрос, миссис Пирс.

Миссис Пирс. Это дело ее, а не ваше, мистер Хигинс.

Хигинс. В таком случае, когда я закончу обучение, мы сможем выбросить ее обратно в канаву, и это снова станет ее делом, так что все в порядке.

Элиза. Сердца у вас нет; на всех вам наплевать, кроме себя. *(Встает и решительно объявляет.)* Хватит с меня, я ухожу. *(Направляется к двери.)* Постыдились бы вы, да, постыдились.

Хигинс *(берет конфету из вазы на рояле, глаза его лукаво блестят)*. Возьмите шоколадку, Элиза.

Элиза *(колеблется, поддаваясь соблазну)*. Почему я знаю, что там внутри? Такие вот, как вы, отравили не одну порядочную девушку. Я знаю, слышала.

Хигинс *вынимает перочинный нож, разрезает конфету, кладет половинку в рот и, смакуя ее, протягивает вторую половинку девушке*.

Хигинс. Вот, смотрите, в залог доверия, одну половину вам, другую – мне.

Элиза хочет что-то возразить, Хигинс всовывает ей в рот конфету.

Вы будете получать шоколад коробками, бочками, каждый день. Вы только им и будете питаться. Ну как?

Элиза *(наконец проглатывает конфету, чуть не подавившись ею)*. Сдалась мне ваша конфета! Я бы и не стала ее есть, только я слишком хорошо воспитана, чтобы плюваться.

Хигинс. Послушайте, Элиза, вы, кажется, приехали в такси?

Элиза. Ну, а если приехала? Я что, не имею права на такси ездить, как все?

Хигинс. Имеете, имеете, Элиза. Теперь вы будете ездить в такси сколько захотите. Можете хоть каждый день кататься по всему городу и вдоль, и поперек, и вокруг. Подумайте об этом, Элиза.

Миссис Пирс. Мистер Хигинс, вы искушаете девушку. Это нехорошо. Ей надо думать о будущем.

Хигинс. В ее возрасте! Вздор! О будущем она успеет подумать тогда, когда впереди уже не будет будущего. Нет, Элиза, берите пример с этой леди: думайте о чужом будущем, но никогда не размышляйте о своем собственном. Думайте лучше о шоколаде и такси, о золоте и бриллиантах.

Элиза. Не хочу я вашего золота и бриллиантов. Я порядочная девушка, вот! *(Снова садится, пытается принять позу, исполненную достоинства.)*

Хигинс. Вы и останетесь порядочной девушкой – об этом позаботится миссис Пирс. А замуж вы выйдете за гвардейского офицера с пышными усами. Он окажется сыном маркиза, и отец сначала лишит его наследства за то, что он женился на вас, а потом, тронутый вашей красотой и добродетелью, смягчится и...

Пикеринг. Простите, Хигинс, но я обязан вмешаться. Миссис Пирс, безусловно, права. Раз девушка намерена довериться вам на полгода, то есть на время вашего опыта, она должна ясно понимать, что делает.

Хигинс. Невозможно! Она решительно не способна понимать что бы то ни было. Да и вообще, кто из нас понимает, что делает? Мы бы никогда ничего не сделали, если бы понимали, что делаем.

Пикеринг. Очень остроумно, Хигинс, но маловразумительно. *(Элизе.)* Мисс Дулитл...

Элиза *(ошеломленная)*. А... у... у... у... о!..

Хигинс. Ну вот! Это все, что можно выжать из Элизы. А... у... у... у... о! Объяснять ей что-либо – бесполезно. Вы должны понимать это, как человек военный. Ей надо приказывать – вот и все, что требуется. Элиза, вы будете жить здесь полгода и учиться красиво говорить, как леди из цветочного магазина. Если вы будете слушаться и делать то, что вам скажут, вы будете спать в хорошей спальне, есть вволю, покупать конфеты и разъезжать в такси. Если вы будете непослушной и ленивой, вы будете спать в чулане с черными тараканами и миссис Пирс будет колотить вас метлой. Через полгода вы наденете роскошное платье и в карете поедете в Букингемский дворец. Если король увидит, что вы не настоящая леди, он прикажет полицейским засадить вас в Тауэр, где вам отрубят голову в назидание

другим дерзким цветочницам. Если же никто ничего не узнает, вы получите в подарок семь шиллингов шесть пенсов, поступите продавщицей в цветочный магазин и начнете новую жизнь. Если вы откажетесь от моего предложения, значит, вы самая неблагодарная и злая девчонка на свете, и ангелы будут плакать, глядя на вас. (*Пикерингу.*) Надеюсь, теперь вы удовлетворены, Пикеринг? (*Миссис Пирс.*) Я полагаю, что объяснил все предельно ясно и просто. Не так ли, миссис Пирс?

Миссис Пирс (*терпеливо*). Позвольте мне лучше, сэр, поговорить с девушкой с глазу на глаз. Не знаю, смогу ли я взять на себя заботу о ней и вообще соглашусь ли я на эту затею. Конечно, я уверена, что вы не желаете ей зла, но уж если вы заинтересуетесь произношением человека, так забываете обо всем на свете. Пойдемте со мной, Элиза.

Хигинс. Отлично, миссис Пирс, благодарю вас. Тащите ее в ванну.

Элиза (*неохотно вставая, подозрительно*). Невежа вы, вот кто. Не понравится мне здесь, так я и не останусь, а уж бить себя метлой никому не дам. Не просилась я в ваш Бэксемский дворец. А с полицией никогда делов не имела, никогда. Я девушка порядочная...

Миссис Пирс. Нельзя возражать старшим, моя милая. Вы не поняли этого джентльмена. Пойдемте, пойдемте. (*Ведет Элизу и распахивает перед ней дверь.*)

Элиза (*на пороге*). А чего там, я правду сказала. И не стану я соваться ни к какому королю, пусть мне хоть голову отрубят. Знала бы я, что здесь получится, ни за какие коврижки не пришла бы. Я всегда была девушка честная, к нему я не лезла, ничего я ему не должна, наплевать мне, не позволю над собой измываться, и какие у всех людей чувства, такие и у меня.

Миссис Пирс закрывает дверь, и причитаний Элизы больше не слышно. Пикеринг отходит от камина и, усевшись верхом на стул, кладет локти на спинку.

Пикеринг. Простите за откровенный вопрос, Хигинс. Порядочный ли вы человек в отношениях с женщинами?

Хигинс (*уныло*). А вы встречали мужчин, которые были бы порядочны в отношениях с женщинами?

Пикеринг. Да, довольно часто.

Хигинс (*опершись ладонями на крышку рояля, подпрыгивает, с шумом усаживается и авторитетно объясняет*). Ну, а я не встречал! Стоит только женщине сблизиться со мной, как она становится ревнивой, требовательной, подозрительной и чертовски надоедливой. Стоит только мне сблизиться с женщиной, как я превращаюсь в тирана и эгоиста. Женщины все ставят с ног на голову. Впустите только женщину в свою жизнь, и вы обязательно увидите, что ей всегда нужно одно, а вам – совершенно другое.

Пикеринг. Что же, например?

Хигинс (*в нетерпении прыгивает с рояля*). А черт его знает! Вероятно, женщина хочет жить своей жизнью, а мужчина своей, причем каждый старается свести другого с правильного пути. Один хочет ехать на юг, другой – на север, в результате оба вынуждены отправиться на восток, хотя оба не выносят восточного ветра. (*Садится на скамейку у рояля.*) Вот почему я старый убежденный холостяк и, по-видимому, таковым и останусь.

Пикеринг (*встает и, подойдя к нему, говорит серьезно*). Бросьте, Хигинс! Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Приняв участие в этой затее, я беру на себя ответственность за судьбу девушки. Надеюсь, вы не попытаетесь злоупотребить ее положением? Ясно?

Хигинс. Что? Ах, вот вы о чем! Дело свято – можете быть спокойны. (*Встает и объясняет.*) Поймите, она ведь будет моей ученицей, а научить чему-нибудь можно лишь при условии, что личность ученика – священна. Я научил десятки американских миллионерш правильно говорить по-английски, а это самые красивые женщины в мире. Я человек закаленный. На уроке женщина для меня все равно что полено, и сам я не мужчина, а полено. Видите ли...

Миссис Пирс приоткрывает дверь. В руках у нее шляпа Элизы. Пикеринг усаживается в кресло перед камином.

(Живо.) Ну что, миссис Пирс? Все в порядке?

Миссис Пирс *(в дверях)*. Если разрешите, мистер Хигинс, я хотела бы сказать вам несколько слов.

Хигинс. Разумеется, миссис Пирс. Входите.

Она входит в комнату.

Не сжигайте это *(он берет у нее шляпу)*, я хочу сохранить ее как антикварную редкость.

Миссис Пирс. Только, пожалуйста, поосторожнее, сэр. Мне пришлось дать девушке слово, что я не сожгу эту шляпу, но немножко прокалить ее в печке отнюдь не мешает.

Хигинс *(поспешно кладет шляпу на роаль)*. Спасибо за предупреждение! Так что же вы хотите мне сказать?

Пикеринг. Я не помешаю?

Миссис Пирс. Нисколько, сэр. Мистер Хигинс, очень прошу вас тщательно выбирать выражения в присутствии этой девушки.

Хигинс *(строго)*. Разумеется. Я всегда чрезвычайно тщательно выбираю выражения. Почему вас это беспокоит?

Миссис Пирс *(невозмутимо)*. Нет, сэр, вы вовсе не выбираете выражения, особенно если что-нибудь ищете или теряете терпение. Для меня это не имеет значения, я привыкла. Но, право, вам не следует ругаться при девушке.

Хигинс *(возмущенно)*. Я – ругаюсь! *(С пафосом.)* Я никогда не ругаюсь. Терпеть не могу сквернословия. Какого черта вы имеете в виду?

Миссис Пирс *(бесстрастно)*. Как раз это я и имею в виду, сэр. Вы злоупотребляете бранными словами. С проклятиями я готова примириться: «к черту», «на черта», «какого черта», «какому черту» – это еще куда ни шло...

Хигинс. Миссис Пирс! Что за выражения я слышу от вас! Ну, знаете!

Миссис Пирс *(твердо)*. ... но есть одно слово, которое я самым настоящим образом прошу не употреблять. Девушка только что сама произнесла это слово, стукнувшись о дверь. Кстати, оно начинается на ту же букву. Девушке простительно, сэр, она с детства ничего другого не слышала. Но она не должна слышать этого слова от вас.

Хигинс *(надменно)*. Не припоминаю, чтобы я когда-нибудь произносил это слово, миссис Пирс.

Миссис Пирс пристально смотрит на него. Он вынужден добавить с мнимым беспристрастием судьи.

Разве в редкие минуты крайнего и справедливого возмущения.

Миссис Пирс. Еще сегодня утром, сэр, вы помянули этим словом свои ботинки, масло и хлеб.

Хигинс. Вот как! Но это же просто метафора, вполне естественная в устах поэта.

Миссис Пирс. Как бы это ни называлось, сэр, прошу вас не повторять этого слова при девушке.

Хигинс. Ну ладно, ладно, не буду. Это все?

Миссис Пирс. Нет, сэр. Присутствие девушки обязывает нас быть особенно аккуратными и опрятными.

Хигинс. Несомненно. Вы совершенно правы. Это очень важно.

Миссис Пирс. Ее нужно отучить от неряшливости в одежде, и нельзя позволять ей разбрасывать повсюду свои вещи.

Хигинс *(подходя к ней, торжественно)*. Золотые слова! Я как раз хотел обратить на это ваше внимание. *(Отходит к Пикерингу, который наслаждается этим разговором.)* Именно такие мелочи, Пикеринг, имеют огромное значение. Береги пенсы, а фунты сами себя сбере-

гут – эту поговорку можно в равной мере отнести и к нашим личным привычкам, и к деньгам. *(Теперь Хигинс бросил якорь на коврике у камина с видом человека, занявшего неприступную позицию.)*

Миссис Пирс. Да, сэр. В таком случае я попрошу вас не выходить к завтраку в халате или по крайней мере возможно реже пользоваться им вместо салфетки. А если вы еще будете так любезны и перестанете есть все с одной тарелки, и запомните, что не следует ставить кастрюльку с овсянкой прямо на чистую скатерть, то у девушки перед глазами всегда будет полезный пример. Ведь на прошлой неделе вы чуть не подавились рыбьей костью, которая ни с того ни с сего очутилась в вашем варенье.

Хигинс *(снявшись с якоря, снова берет курс к роюлю).* Допускаю, что такое может произойти со мной – по рассеянности. Во всяком случае, не часто. *(Разозлившись.)* Кстати, от моего халата чертовски разит бензином.

Миссис Пирс. Верно, мистер Хигинс. Но если вы будете вытирать руки...

Хигинс *(вопит).* Ну хорошо, хорошо, хорошо! Отныне я буду вытирать их о свои волосы.

Миссис Пирс. Надеюсь, вы не обиделись на меня, мистер Хигинс?

Хигинс *(смутясь при мысли, что его могли заподозрить в столь недобрых чувствах).* Что вы, что вы, миссис Пирс! Вы совершенно правы. Я буду крайне осмотрителен при девушке. Теперь все?

Миссис Пирс. Нет, сэр. Не разрешите ли мне дать ей пока один из японских халатов, которые вы привезли из-за границы? Я просто не решаюсь снова надеть на нее старое платье.

Хигинс. Разумеется, разрешаю. Берите все, что хотите. А теперь наконец все?

Миссис Пирс. Теперь все. Благодарю вас, сэр. *(Уходит.)*

Хигинс. Знаете, Пикеринг, у этой женщины совершенно превратное представление обо мне. Я человек скромный и застенчивый. Мне до сих пор кажется, что я не такой взрослый и внушительный, как другие. И тем не менее она глубоко убеждена, что я деспот, домашний тиран и сумасброд. Почему – не понимаю.

Миссис Пирс возвращается.

Миссис Пирс. Ну вот, сэр, неприятности уже начинаются. Пришел мусорщик Элфрид Дулитл и хочет вас видеть. Он говорит, что здесь его дочь.

Пикеринг *(встает).* Ого! Ну и ну! *(Отступает к камину.)*

Хигинс *(быстро).* Впустите-ка этого прохвоста.

Миссис Пирс. Слушаю, сэр. *(Уходит.)*

Пикеринг. А может быть, он вовсе не прохвост, Хигинс?

Хигинс. Вздор! Конечно прохвост!

Пикеринг. Прохвост он или нет, но, боюсь, у вас будут неприятности.

Хигинс *(самоуверенно).* Не думаю. А если уж будут, то скорее у него, чем у меня. И уж конечно, мы услышим что-нибудь интересное.

Пикеринг. Насчет девушки?

Хигинс. Нет, я имею в виду его речь.

Пикеринг. О!

Миссис Пирс *(в дверях).* Дулитл, сэр. *(Впускает Дулитла и уходит.)*

Элфрид Дулитл – пожилой, но еще крепкий мусорщик в рабочей одежде и в шляпе, поля которой закрывают шею и плечи. У него энергичные, довольно интересные черты лица: он производит впечатление человека, которому одинаково чужды страх и совесть. У него на редкость выразительный голос – результат привычки давать волю своим чувствам. В данный момент весь его вид говорит об оскорбленном достоинстве и решимости.

Дулитл *(останавливается в дверях, стараясь понять, к кому из двоих он должен обратиться).* Профессор Хигинс?

Хигинс. Да. Доброе утро. Садитесь.

Дулитл. Доброе утро, хозяин. *(Опускается на стул с важностью сановной особы.)* Я пришел по очень важному делу, хозяин.

Хигинс *(Пикерингу)*. Вырос в Хоунслоу, мать, вероятней всего, из Уэльса. *(Дулитлу, который смотрит на него разинув рот.)* Что вам нужно, Дулитл?

Дулитл *(угрожающе)*. Мне нужна моя дочь, вот что мне нужно. Понятно?

Хигинс. Вполне. Вы ведь ее отец, верно? Кому же она еще нужна, кроме вас? Я рад, что в вас еще жива искра отцовского чувства. Ваша дочь здесь, наверху. Забирайте ее немедленно.

Дулитл *(встает, страшно обескураженный)*. Чего?

Хигинс. Забирайте свою дочь! Неужели вы думали, что я буду нянчиться с нею вместо вас?

Дулитл *(протестуя)*. Ну-ну, погодите же, хозяин, да разве так можно? Разве так поступают с человеком? Девчонка – моя, вы ее забрали себе, а я с чем остаюсь? *(Снова садится.)*

Хигинс. Ваша дочь имела наглость явиться ко мне и потребовать, чтобы я научил ее правильно говорить, иначе ей не получить места продавщицы в цветочном магазине. Разговор происходил при этом джентльмене и моей экономке. *(Наступая на него.)* Как вы смели явиться ко мне и шантажировать меня? Вы ее нарочно сюда подослали.

Дулитл. Что вы, хозяин! Я тут ни при чем.

Хигинс. Нет, подослали. Откуда вы иначе узнали, что она здесь?

Дулитл *(протестуя)*. Легче, легче! Нельзя так сразу брать человека за горло!

Хигинс. Берегитесь, как бы за вас не взялась полиция! Чистой воды мошенничество! Он еще мне угрожает! Попытка выманить деньги налицо! Сейчас же звоню в полицию. *(С решительным видом идет к телефону и открывает справочник.)*

Дулитл. Да разве я с вас хоть фартинг потребовал? Вот этот джентльмен пусть скажет. *(Пикерингу.)* Сказал я хоть слово о деньгах?

Хигинс *(бросает справочник и подходит к Дулитлу)*. Так зачем же вы пришли сюда?

Дулитл *(заискивающе)*. Зачем всякий пришел бы на моем месте? Будьте человеком, хозяин.

Хигинс *(обезоруженный)*. Элфрид, скажите, вы нарочно подослали ее сюда?

Дулитл. Не подсылал, хозяин, чтоб мне с места не сойти. Могу хоть на Библии присягнуть, я девчонку уже два месяца в глаза не видел.

Хигинс. Откуда же вы узнали, где она?

Дулитл *(«сладко, печально»)*. Сейчас объясню, хозяин, дайте только рот раскрыть. Я готов вам объяснить, пытаюсь вам объяснить, должен вам объяснить!

Хигинс. Пикеринг, да этот парень – прирожденный оратор! Обратите внимание на инстинктивную ритмичность его фразы: «Я готов вам объяснить, пытаюсь вам объяснить, должен вам объяснить». Сентиментальная риторика. Вот что значит примесь уэльской крови. Попрошайничество и жульничество отсюда же.

Пикеринг. Помилосердствуйте, Хигинс! Я ведь сам с Запада. *(Дулитлу.)* Откуда вы узнали, что девушка здесь, если не подослали ее?

Дулитл. Вот как получилось, хозяин. Дочка как поехала к вам, так взяла с собой мальчонку на такси прокатить. Он сынишкой ее квартирной хозяйке приходится. Вот он и болтался тут, думал, она его обратно тоже подвезет. А она, как узнала, что вы ее здесь оставляете, возьми да и пошли его домой за своим барахлишком, а он на меня и нарвался на углу Лонг-Экр и Эндел-стрит.

Хигинс. У пивной, не так ли?

Дулитл. Пивная – клуб для бедного человека, хозяин. Что ж тут дурного?

Пикеринг. Дайте же ему договорить, Хигинс.

Дулитл. Вот он и рассказал мне, какое дело вышло. Спрашиваю вас: что я должен был почувствовать, как поступить? Я же ей отец! Я говорю мальчонке: тащи сюда ее барахло, говорю я...

Пикеринг. А почему вы сами не пошли за вещами?

Дулитл. Да хозяйка мне их ни в жизнь не доверит. Бывают, знаете, такие бабы. Мальчонка – и тот, поросенок, пенни сорвал, иначе ни в какую не хотел доверить. А я человек услужливый. Взял да и притащил вещички сюда. Вот и все.

Хигинс. Что это за вещи?

Дулитл. Музыкальный инструмент, хозяин, парочка фотографий, кое-какие побрякушки да птичья клетка. Платьев брать она не велела. Что я должен был подумать, а, хозяин? Я вас спрашиваю. Что я должен был подумать, как ее родитель, спрашиваю я вас.

Хигинс. Итак, вы пришли, чтоб спасти ее от позора более страшного, чем смерть? Не так ли?

Дулитл *(с заметным облегчением – он доволен тем, что его так хорошо поняли).* Именно так, хозяин. Именно так.

Пикеринг. Но зачем же вы принесли ее вещи, если собираетесь взять ее отсюда?

Дулитл. А разве я сказал, что собираюсь? Заикнулся я хоть раз насчет этого?

Хигинс *(решительно).* Вы ее заберете, и заберете немедленно. *(Подходит к камину и звонит.)*

Дулитл. Нет, хозяин, не надо так говорить. Не такой я человек, чтобы собственной дочке встать поперек дороги. Тут, можно сказать, перед ней карьера открывается, а я...

В дверях, ожидая приказаний, появляется миссис Пирс.

Хигинс. Миссис Пирс, за Элизой пришел ее отец. Он хочет увести ее. Выдайте ему девушку. *(Отходит к роялю с видом человека, решившего умыть руки.)*

Дулитл. Да нет, тут ошибка вышла, послушайте...

Миссис Пирс. Он не может увести ее, мистер Хигинс. Ей же не в чем идти – вы сами велели мне сжечь ее платье.

Дулитл. Правильно! Не могу же я тащить девчонку по улицам в чем мать родила, как какую-нибудь мартышку! Ну, сами посудите, разве это можно?

Хигинс. Вы заявили мне, что требуете свою дочь. Вот и заберите ее. А если она сидит без платья – пойдите и купите.

Дулитл *(в отчаянии).* А где платье, в котором она пришла к вам? Кто его сжег – я или эта ваша мадам?

Миссис Пирс. В этом доме я, с вашего позволения, не мадам, а экономка. Я послала за платьем для вашей дочери. Когда его принесут, можете взять ее домой. Подождите на кухне. Сюда, пожалуйста.

Расстроенный Дулитл идет за ней к двери, затем останавливается и после некоторого колебания крадучиво обращается к Хигинсу.

Дулитл. Да погодите минутку, хозяин, не торопитесь. Мы ведь с вами люди воспитанные, верно?

Хигинс. Вот оно что! Мы – люди воспитанные! Вам, пожалуй, лучше пока уйти, миссис Пирс.

Миссис Пирс. Я тоже так думаю, сэр! *(С достоинством удаляется.)*

Пикеринг. Слово за вами, мистер Дулитл.

Дулитл *(Пикерингу).* Спасибо, хозяин. *(Хигинсу, который пытается укрыться на стуле у рояля: он избегает чрезмерной близости к посетителю, потому что от Дулитла исходит свойственный его профессии запах.)* А знаете, хозяин, по правде говоря, вы мне здорово нравитесь. Если девчонка вам так уж нужна, пусть остается. Только давайте договоримся с вами честь по чести. Ведь если глядеть на нее как на женщину, ей-богу, она годится

по всем статьям – хорошая, красивая девка. А как дочь – ее прокормить себе дороже станет. Я с вами начистоту говорю и только одного прошу – не забывайте мои отцовские права! Вы, я вижу, человек справедливый, хозяин! Не хотите же вы, чтобы я уступил ее просто так, за здорово живешь? Что для вас пять фунтов? И что для меня Элиза! *(Возвращается к стулу и торжественно садится.)*

Пикеринг. Вам следует знать, Дулитл, что у мистера Хигинса вполне благородные намерения.

Дулитл *(Пикерингу)*. Само собой, благородные, хозяин. Иначе я запросил бы пятьдесят фунтов.

Хигинс *(возмущенно)*. Вы хотите сказать, бессердечный негодяй, что продали бы родную дочь за пятьдесят фунтов?

Дулитл. Продавать ее заведенным порядком мне ни к чему. Другое дело услужить такому джентльмену, как вы. Тут я готов на все, верьте слову.

Пикеринг. Неужели вы начисто лишены моральных устоев?

Дулитл *(откровенно)*. Я не могу позволить себе такую роскошь, хозяин. Да и вы не смогли бы, окажись вы в моей шкуре. Да и что тут особенного? Как, по-вашему, уж если Элизе перепало кой-что, почему бы и мне не попользоваться? А?

Хигинс *(озабоченно)*. Право, не знаю, что и делать, Пикеринг. Дать этому типу хоть фартинг – с точки зрения морали равносильно преступлению. И в то же время я чувствую, что в его требованиях есть какая-то первобытная справедливость.

Дулитл. То-то и оно, хозяин. Вот и я так думаю. Отцовское сердце, как ни скажите.

Пикеринг *(Хигинсу)*. Я понимаю вашу щепетильность, но едва ли правильно будет...

Дулитл. Зачем так говорить, хозяин? Вы на это дело взгляните с другой стороны. Кто я такой? Я вас спрашиваю: кто я такой? Я бедняк и человек недостойный, вот я кто. Вдумайтесь-ка, что это значит? А это значит, что буржуазная мораль не для таких, как я. Если я чего-нибудь захотел в этой жизни, мне твердят одно и то же – ты человек недостойный, тебе нельзя. А ведь нужды у меня такие же, как у самой предостойной вдовы, которая в одну неделю получает деньги с шести благотворительных обществ за смерть одного и того же мужа. Мне нужно не меньше, чем достойному, – мне нужно больше. У меня аппетит не хуже, чем у него, а пью я куда больше. Мне и развлечься надо, потому что я человек мыслящий. Мне и на людях побыть охота, и песню послушать, и музыку, когда на душе худо. А дерут с меня за все, как с достойного. Чем же она оборачивается, ваша буржуазная мораль? Да это же просто предлог, чтобы мне ни шиша не дать. Поэтому я и обращаюсь к вам как к джентльменам и прошу поступить со мной по-честному. Я ведь с вами играю начистоту – не притворяюсь достойным. Был я всю жизнь недостойным, таким и останусь. Мне это даже нравится, если хотите знать. Так неужели вы обманете человека и не дадите ему настоящую цену за его родную дочь, которую он в поте лица растил, кормил и одевал, пока она не стала достаточно взрослой, чтобы заинтересовать сразу двух джентльменов? Разве пять фунтов такая уж крупная сумма? Я спрашиваю вас и жду вашего решения.

Хигинс *(подходит к Пикерингу)*. А знаете, Пикеринг, займись мы этим человеком, он уже через три месяца мог бы выбирать между постом министра и церковной кафедрой в Уэльсе.

Пикеринг. Что вы на это скажете, Дулитл?

Дулитл. Нет уж, увольте, хозяин, не подойдет. Доводилось мне слушать и проповедников, и премьер-министров – потому человек я мыслящий и для меня всякая там политика, религия или социальные реформы – тоже развлечение. Но скажу вам одно: куда ни кинь – всюду жизнь собачья. Так, по мне, уж лучше быть недостойным бедняком. Как сравнишь различные положения в обществе, то в моем, ну, в общем, на мой вкус, в нем хоть изюминка есть.

Хигинс. Дадим ему, пожалуй, пять фунтов.

Пикеринг. Боюсь, он истратит их без всякой пользы.

Дулитл. С пользой, хозяин, лопни мои глаза! Вы, может, боитесь, что я их припрячу и буду на них жить себе понемножку, не работая? Не беспокойтесь, к понедельнику от них уж пенни не останется, и потопаю я на работу, будто у меня их и не было. В нищие не скачусь, можете быть спокойны. Малость кутну со старухой, сам отведу душу и другим заработать дам. А вам приятно будет знать, что деньги не выброшены на ветер. Да вы и сами их разумнее не истратите.

Хигинс (*вынимая бумажник, подходит к Дулитлу*). Нет, он неотразим. Дадим ему десять. (*Протягивает две кредитки.*)

Дулитл. Не надо, хозяин: у старухи не хватит духу истратить десятку. Да и у меня, пожалуй, тоже. Десять фунтов – большие деньги; заведутся они, и человек становится расчетливым, а тогда прощай счастье! Нет, дайте мне столько, сколько я прошу, хозяин, – ни больше ни меньше.

Пикеринг. Дулитл, почему вы не женитесь на этой вашей старухе? Я не склонен поощрять безнравственность.

Дулитл. Вот вы ей это и скажите, хозяин, скажите! Я-то со всем удовольствием. Ведь сейчас кто страдает? Я. Власти у меня нет над ней: я и угождай ей, и подарки делай, и платья покупай. Грех да и только! Я раб этой женщины, хозяин, а все потому, что я ей не муж. И она это знает. Попробуйте-ка, заставьте ее выйти за меня. Послушайтесь моего совета, хозяин: женитесь на Элизе, пока она еще молодая и не смыслит, что к чему. Не женитесь – потом пожалеете. А женитесь – потом пожалеет она. Так уж пусть лучше она пожалеет, поскольку вы мужчина, а она всего-навсего баба и все равно своего счастья не понимает.

Хигинс. Пикеринг, если мы еще минуту послушаем этого человека, у нас не останется никаких убеждений. (*Дулитлу.*) Пять фунтов? Так вы, кажется, сказали?

Дулитл. Покорно благодарю, хозяин.

Хигинс. Итак, вы отказываетесь взять десять?

Дулитл. Сейчас отказываюсь. Как-нибудь в другой раз, хозяин.

Хигинс (*вручает ему кредитку*). Получите.

Дулитл. Спасибо, хозяин. Счастливо оставаться.

Дулитл спешит к двери, чтобы поскорее улизнуть со своей добычей. На пороге он сталкивается с изящной, ослепительно чистой молодой японкой в скромном голубом кимоно, искусно вышитом мелкими белыми цветочками жасмина. За ней следует миссис Пирс. Он почтительно уступает ей дорогу и извиняется.

Прошу прощения, мисс.

Японка. Провалиться мне на этом месте! Родную дочку не признал!

Дулитл. Лопни мои глаза! Элиза!

Хигинс (*одновременно*) Кто это? Она?

Пикеринг. Боже мой, ну и ну!

Элиза. А верно, я как придурковатая выгляжу?

Хигинс. Придурковатая?

Миссис Пирс (*у двери*). Прошу вас, мистер Хигинс, не говорите лишнего, а то девушка бог весть что о себе возомнит.

Хигинс (*спохватившись*). Ах да, да, совершенно верно, миссис Пирс. (*Элизе.*) Черт знает, что у вас за идиотский вид.

Миссис Пирс. Пожалуйста, сэр!

Хигинс (*поправляясь*). Я хотел сказать, очень глупый вид.

Элиза. Вот надену шляпу, так будет получше. (*Берет свою шляпу, надевает ее и с непринужденностью светской дамы шествует к камину.*)

Хигинс. Ей-богу, новая мода! А ведь могло выглядеть ужасно!

Дулитл (*с отцовской гордостью*). Батюшки, вот не думал, что ее можно отмыть до такой красоты, хозяин. Она делает мне честь, верно?

Элиза. Подумаешь, великое дело здесь мытой ходить! Вода в кране и тебе горячая, и холодная, плескайся сколько влезет. Полотенца пушистые, а вешалка под ними такая горячая, что пальцы обожжешь, и щетки мягкие есть, чтобы тереться, а уж мыла полная чашка, и запах от него – ну, что твой первоцвет. Теперь понятно, почему все леди такие намытые ходят. Мытье им – одно удовольствие. Вот посмотрели бы они, как оно нам достается!

Хигинс. Очень рад, что моя ванна пришлась вам по вкусу.

Элиза. И вовсе не все мне по вкусу. Уж как там хотите, а я скажу – не постесняюсь. Вот миссис Пирс знает.

Хигинс. Какой-нибудь непорядок, миссис Пирс?

Миссис Пирс (*мягко*). Пустяки, сэр. Право, не стоит говорить об этом.

Элиза. Покалечить я его хотела, вот что. Со стыда не знаешь, куда глаза девать. Потом-то я исправилась, взяла да полотенце на него и навесила.

Хигинс. На кого?

Миссис Пирс. На зеркало, сэр.

Хигинс. Дулитл, вы слишком строго воспитали свою дочь.

Дулитл. Я? А я ее и не воспитывал. Так, разве постегаетесь ремнем для порядку. Вы уж не взыщите, хозяин. Не привыкла она еще – вот в чем штука. Поживет у вас, так научится свободному поведению, как в ваших кругах полагается.

Элиза. Не стану я учиться свободному поведению: я не какая-нибудь, я девушка порядочная.

Хигинс. Элиза, если вы еще раз скажете, что вы порядочная девушка, отец заберет вас домой.

Элиза. Как же, заберет! Держи карман шире! Плохо вы моего папашу знаете. Он сюда пришел, чтобы из вас денег выжать да нализаться как следует – только и всего.

Дулитл. А что мне еще с деньгами делать? В церковную кружку бросить, что ли?

Элиза показывает ему язык. Он так взбешен этим, что Пикерингу приходится встать между ними.

Ты у меня язык попридержи да смотри, не вздумай с этим джентльменом разные штучки откалывать, а то я тебе по первое число всыплю. Поняла?

Хигинс. Не хотите ли вы дать ей еще какие-нибудь наставления, Дулитл? Или, может быть, благословить ее на прощанье?

Дулитл. Нет, хозяин. Не такой я отпетый дурак, чтобы своим деткам выложить все, что знаю. С ними и без того не совладаешь. Хотите, чтоб Элиза ума набралась, возьмите ремень, хозяин, да поучите ее сами. Счастливо оставаться, джентльмены! (*Направляется к двери.*)

Хигинс (*повелительно*). Стойте! Вы должны регулярно навещать свою дочь. Это ваш отцовский долг. У меня есть брат священник, он поможет вам направить ее.

Дулитл (*уклончиво*). Ну как же, как же. Я приду, хозяин. На этой неделе, правда, не смогу, работаю очень далеко. Но малость попозже можете на меня рассчитывать. Всего доброго, джентльмены! Всего доброго, мэм! (*Снимает шляпу перед миссис Пирс, но та не отвечает на его приветствие, и он направляется к двери. Обернувшись на пороге, он подмигивает Хигинсу, видимо, соболезнуя ему по поводу тяжелого характера миссис Пирс; затем уходит вслед за ней.*)

Элиза. Не верьте вы этому старому брехуну. Да он скорее согласится, чтобы вы на него бульдога напустили, чем священника. И не ждите – он сюда скоро не сунется.

Хигинс. Мы не очень жаждем видеть его, Элиза. А вы?

Элиза. А уж я и подавно. Век бы мне его не видеть. Срамит меня только – с мусором возжается, вместо того чтоб свое дело делать.

Пикеринг. Чем он занимается, Элиза?

Элиза. Людям зубы заговаривает да денежки в свой карман перекачивает. А сам-то он – землекоп. Бывает, и теперь берется за лопату, когда поразмяться захочет, и хорошие деньги зашибает. А вы больше не хотите звать меня мисс Дулитл?

Пикеринг. Простите, мисс Дулитл, я оговорился.

Элиза. Да нет, я не обижаюсь. Просто очень уж это красиво получается – мисс Дулитл. А можно мне сейчас такси нанять и проехаться по Тотенхэм-Корт-роуд? Я бы там вышла и велела подождать. Вот бы наши девчонки утерлись – пусть знают свое место. Разговаривать с ними я бы, понятное дело, не стала.

Пикеринг. Лучше подождите, пока вам принесут новое модное платье.

Хигинс. Кроме того, заняв высокое положение, не следует забывать старых друзей. Мы это называем снобизмом.

Элиза. Нет уж, вы меня теперь с ихней компанией не путайте. Было время, насмехались они надо мной почем зря, а теперь я им нос утру. Конечно, если я получу новые модные платья, можно и подождать. Больно мне заиметь их охота. Миссис Пирс говорит, что вы мне разные дадите – одни днем носить, другие ночью в постель надевать. А по-моему, чего деньги зря переводить, раз в них никому не покажешься? А потом, мне и подумать страшно: зимой раздеваться да на ночь холодные вещи на себя напяливать!

Миссис Пирс (*возвращается*). Идемте, Элиза. Там принесли платья, нужно примерить.

Элиза. У-у-ух ты! А... а... а... ах! Уй... ий... й. (*Вылетает из комнаты.*)

Миссис Пирс (*следуя за ней*). Не надо носиться сломя голову, моя милая. (*Закрывает за собой дверь.*)

Хигинс. Трудное нам предстоит дело, Пикеринг.

Пикеринг (*убежденно*). Да, Хигинс. Очень трудное.

Действие третье

Приемный день у миссис Хигинс. Еще никого нет. Квартира ее расположена на набережной Челси, и гостиная всеми тремя окнами выходит на реку; только потолок в ней ниже, чем был бы в таком доме, будь он более старинной постройки. Окна – во всю стену. Они распахнуты, открывая доступ на балкон, уставленный цветами в горшках. Слева, если стоять лицом к окнам, – камин, в правой стене, поближе к углу, – дверь. Миссис Хигинс воспитана на Моррисе и Берн-Джонсе, и ее жилище разительно отличается от квартиры ее сына на Уимпол-стрит: ни лишней мебели, ни полочек, ни безделушек. Посреди комнаты – просторная тахта. Подушки и парчовое покрывало на ней, ковер на полу, моррисовские обои и моррисовские набивные занавеси на окнах – вот и все убранство гостиной, но оно настолько изысканно, что его грешно было бы прятать за нагромождением никому не нужных вещей. На стенах несколько хороших картин (в манере Берн-Джонса, а не Уистлера), лет за тридцать до этого выставлявшихся в Гросвенор-Геллери. Пейзаж всего один: Сесил Лоусон в масштабах Рубенса. Здесь же портрет миссис Хигинс в молодости; на ней, наперекор тогдашней моде, один из тех очаровательных росетиевских костюмов, которым так карикатурно подражали невежды, чьими стараниями был насажден безвкусный эстетизм семидесятых годов.

В углу, наискосок от двери, за простым, но элегантным письменным столиком с пуговкой звонка под рукою, сидит миссис Хигинс и пишет письмо: ныне ей за шестьдесят, и она давным-давно не дает себе труда одеваться не так, как требует мода. В глубине, между столиком и окном, – чиппендейловский стул. На другой стороне комнаты, подальше от окна, елизаветинское кресло с грубой резьбой в духе Иниго Джонса. Там же рояль в чехле со строчкой. Между камином и окнами диванчик с обивкой из моррисовского кретона. Время – пятый час пополудни. Дверь с шумом распахивается, входит Хигинс в шляпе.

Миссис Хигинс (тревожно). Генри! (Укоризненно.) Зачем ты явился? Ты же обещал не приходить в мои приемные дни.

В то время как он наклоняется поцеловать ее, она снимает с него шляпу и подает ему.

Хигинс. А, черт! (Швыряет шляпу на стол.)

Миссис Хигинс. Сейчас же возвращайся домой.

Хигинс (целуя ее). Знаю, знаю, мама. Я пришел нарочно.

Миссис Хигинс. И напрасно. Я не шучу, Генри. Ты распугал всех моих друзей. Стоит им встретиться с тобой, как они перестают бывать у меня.

Хигинс. Вздор! Светских разговоров я вести не умею, что верно, то верно, но это никого не трогает. (Садится на диван.)

Миссис Хигинс. Ты так думаешь? Светские разговоры! А не светские ты умеешь вести? Нет, милый, уходи, я решительно настаиваю на этом.

Хигинс. Не могу. Вы должны помочь мне в одном деле... связанном с фонетикой.

Миссис Хигинс. Нет, милый. К сожалению, твои гласные выше моего понимания. Я с удовольствием получаю от тебя хорошенькие открытки, стенографированные по твоей системе, но читать мне приходится написанные обычными буквами подстрочники, которые ты предусмотрительно прикладываешь.

Хигинс. Тогда считайте, что мое дело не связано с фонетикой.

Миссис Хигинс. Но ты же сам так сказал.

Хигинс. То есть оно связано, но вы к ней не будете иметь отношения. Я тут подцепил девушку...

Миссис Хигинс. А не значит ли это, что девушка подцепила тебя?

Хигинс. Ничего подобного. О любви здесь и речи нет.

Миссис Хигинс. Очень жаль!

Хигинс. Почему?

Миссис Хигинс. Ты еще ни разу не влюблялся в женщину моложе сорока пяти. Когда наконец ты поймешь, что на свете есть немало прелестных девушек?

Хигинс. Не собираюсь возиться с девушками. Мой идеал – женщина, насколько это возможно, похожая на вас. Ни одна девушка никогда мне всерьез не понравится: у меня свои привычки, а старые привычки трудно менять. *(Порывисто вскакивает, начинает шагать из угла в угол, побрякивая ключами и мелочью в кармане.)* Кроме того, все они дуры.

Миссис Хигинс. Знаешь, Генри, что бы ты сделал, если бы по-настоящему любил меня?

Хигинс. А, черт! Ну что еще? Женился бы, наверно, да?

Миссис Хигинс. Нет. Вынул бы руки из карманов и перестал носиться по комнате.

С жестом отчаяния он повинуется и снова усаживается на диван.

Вот пай-мальчик. А теперь расскажи мне о девушке.

Хигинс. Она сегодня явится к вам с визитом.

Миссис Хигинс. Не припоминаю, чтобы я ее приглашала.

Хигинс. Вы не приглашали. Пригласил я. Вы бы ее ни за что не пригласили, если бы знали, кто она.

Миссис Хигинс. Интересно! А почему?

Хигинс. Вот как обстоит дело. Она простая цветочница. Я подобрал ее на панели.

Миссис Хигинс. И пригласил ко мне в мой приемный день!

Хигинс *(подходит к матери, стараясь задобрить ее).* Не беспокойтесь, все будет в порядке. Я научил ее правильно говорить и дал точные указания, как вести себя. Ей строго-настрого велено касаться только двух тем: погоды и здоровья. Словом, ничего не значащие фразы: «Как поживаете?» – «Сегодня прекрасный день» – и никаких рассуждений на общие темы. Уверю вас, это совершенно безопасно!

Миссис Хигинс. Безопасно! Безопасно говорить о нашем здоровье! О внутренностях! Может быть, даже о внешности! Как мог ты так наглупить, Генри!

Хигинс *(нетерпеливо).* Должна же она о чем-то говорить. *(Вовремя берет себя в руки и снова садится.)* Да не волнуйтесь вы, пожалуйста, из-за пустяков, все будет хорошо. Пикеринг тоже принимает в ней участие. Я держал с ним пари, что через полгода смогу выдать ее за герцогиню. Я работаю с ней всего несколько месяцев, но она уже сделала потрясающие успехи. Пари я непременно выиграю. У нее превосходный слух, и воспринимает она все куда лучше, чем мои ученики из буржуазных кругов, потому что ее приходится учить с самого начала, как учат чужому языку. Сейчас она уже говорит по-английски почти так, как вы по-французски.

Миссис Хигинс. Во всяком случае, это уже не так страшно.

Хигинс. И да и нет.

Миссис Хигинс. Как это понимать?

Хигинс. Видите ли, произношение она освоила. Но сейчас мне уже надо думать не только о том, как эта девушка произносит, но и о том, что она произносит. И вот тут-то...

Разговор их прерывает горничная, докладывающая о гостях.

Горничная. Миссис и мисс Эйнсфорд-Хилл. *(Уходит.)*

Хигинс. Чтоб их черт побрал! *(Вскакивает, хватая со стола свою шляпу и спешит к двери, но прежде чем успеваешь до нее дойти, мать уже представляет его входящим.)*

Миссис и мисс Эйнсфорд-Хилл – те самые мать и дочь, которые укрывались от дождя в Ковент-Гардене. Мать – хорошо воспитанная, спокойная женщина, но чувствуется, что она находится в постоянном напряжении, как все люди с ограниченными средствами. Дочь

усвоила светский тон девушки, постоянно бывающей в обществе: бравада прикрашенной бедности.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*мистеру Хигинсу*). Здравствуйте!

Здороваются.

Мисс Эйнсфорд-Хилл. Здравствуйте.

Здороваются.

Миссис Хигинс (*представляя*). Мой сын Генри.

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Ваш знаменитый сын! Я жаждала познакомиться с вами, профессор Хигинс.

Хигинс (*мрачно, не двигаясь с места*). Очень рад. (*Облокачивается на рояль и небрежно кивает ей.*)

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*доверительно-фамильярно, приближаясь к нему*). Здравствуйте.

Хигинс (*установившись на нее*). Я вас уже где-то видел. Где и когда – не имею представления, но голос ваш я тоже слышал. (*Мрачно.*) Впрочем, это совершенно безразлично. Что же вы стоите? Сели бы куда-нибудь.

Миссис Хигинс. К сожалению, должна признаться, что мой знаменитый сын совершенно не умеет вести себя. Не обижайтесь на него.

Мисс Эйнсфорд-Хилл (*весело*). Ну что вы! (*Садится в елизаветинское кресло.*)

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*слегка растерянно*). Конечно, конечно. (*Садится на тахту слева от дочери и справа от миссис Хигинс, которая повернула к ним свое кресло у письменного стола.*)

Хигинс. Разве я нахамил? Простите, нечаянно. (*Подходит к окну и, став спиной к гостям, созерцает реку и цветы Бетерси-парка с таким видом, словно перед ним вечные льды.*)

Горничная возвращается с Пикерингом.

Горничная. Полковник Пикеринг. (*Уходит.*)

Пикеринг. Здравствуйте, миссис Хигинс.

Миссис Хигинс. Очень рада вас видеть. Вы знакомы? Миссис Эйнсфорд-Хилл, мисс Эйнсфорд-Хилл.

Обмен поклонами. Полковник ставит чиппендейловский стул между миссис Хигинс и миссис Эйнсфорд-Хилл и усаживается.

Пикеринг. Генри рассказал вам о цели нашего визита?

Хигинс (*через плечо*). Не успел досказать, черт побери.

Миссис Хигинс. Генри, Генри, прошу тебя.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*приподнимаясь*). Может быть, мы помешали?

Миссис Хигинс (*встает и снова усаживает ее*). Что вы, что вы! Напротив, вы пришли как раз вовремя. Мы хотим познакомить вас с одной нашей приятельницей.

Хигинс (*обрадованный, поворачивается к ним*). Черт побери, а ведь верно! Нам нужно, чтоб было несколько человек. Вы вполне сойдете.

Горничная возвращается, за ней следует Фредди.

Горничная. Мистер Эйнсфорд-Хилл.

Хигинс (*чуть ли не в полный голос*). А, черт! Еще одного нелегкая принесла!

Фредди (*здороваясь с миссис Хигинс*). Здравсте.

Миссис Хигинс. Очень рада вас видеть. (*Знакомит.*) Полковник Пикеринг.

Фредди (*кланяется*). Здравсте.

Миссис Хигинс. Вы, вероятно, не знакомы с моим сыном, профессором Хигинсом?

Фредди (*подходя к Хигинсу*). Здравсте.

Хигинс (*разглядывает его так, будто перед ним вор-карманник*). Голову даю на отсечение, что и вас я где-то уже видел. Только вот где?

Фредди. Что-то не припомню.

Хигинс (*покорившись судьбе*). Впрочем, это не имеет значения. Садитесь. (*Пожимает руку Фредди и чуть ли не силой усаживает его на тахту. Сам переходит на другую сторону*). Ну вот, мы и уселись. (*Садится рядом с миссис Эйнсфорд-Хилл, слева*.) О чем же, черт возьми, нам говорить до прихода Элизы?

Миссис Хигинс. Генри, на вечерах Королевского общества ты, вероятно, неотразим, но в менее торжественных случаях тебя трудно переносить.

Хигинс. В самом деле? Сожалею. (*Внезапно просяв*.) А знаете, наверно, действительно трудно. (*Хохочет*.) Ха-ха-ха!

Мисс Эйнсфорд-Хилл (*которая находит Хигинса вполне приемлемым с матримониальной точки зрения*). Я понимаю вас. Я сама не умею вести светские разговоры. Ах, почему люди так редко бывают откровенны и говорят не то, что думают?

Хигинс (*мрачнея*). И слава богу!

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*перехватывая реплику дочери*). Но почему?

Хигинс. То, что, как люди полагают, они обязаны думать, видит бог, уже достаточно мерзко. А то, что они на самом деле думают, вообще ни в какие ворота не лезет. Вы полагаете, вам будет приятно, если я сейчас возьму и выложу все, что думаю на самом деле?

Мисс Эйнсфорд-Хилл (*весело*). Неужели это так неприлично?

Хигинс. Неприлично? Куда, к черту, неприлично! Просто непристойно!

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*серьезно*). Я уверена, что вы шутите, мистер Хигинс.

Хигинс. Видите ли, все мы в той или иной мере дикари. Предполагается, что мы цивилизованны и культурны – разбираемся в поэзии, философии, науке, искусстве и прочее, и прочее. Но скажите, многие ли из нас знают, что представляют собой хотя бы одни эти названия? (*К мисс Хилл*.) Ну что вы, например, понимаете в поэзии? (*К миссис Хилл*.) Что вы знаете о науке? (*Указывая на Фредди*.) А вот он, что он смыслит в искусстве, науке и вообще в чем бы то ни было? А что я сам, черт побери, знаю о философии?

Миссис Хигинс (*предостерегающе*). Или об умении вести себя в обществе.

Горничная (*открыв дверь*). Мисс Дулитл. (*Уходит*.)

Хигинс (*поспешно вскакивает и бежит к матери*). Мама, это она. (*Становится за креслом матери и, поднявшись на цыпочки, глазами показывает Элизе, кто из дам хозяйка дома*.)

Элиза, изысканно одетая, производит такое впечатление своей красотой и элегантностью, что все невольно встают. Направляемая сигналами Хигинса, она с заученной грацией подходит к миссис Хигинс.

Элиза (*произносит слова с педантичной чистотой, приятным, музыкальным голосом*). Здравствуйте, миссис Хигинс. Мистер Хигинс передал мне ваше приглашение.

Миссис Хигинс (*приветливо*). Да, да! Я очень рада вас видеть.

Пикеринг. Здравствуйте, мисс Дулитл.

Элиза. Если не ошибаюсь, полковник Пикеринг?

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Я уверена, что мы с вами уже встречались, мисс Дулитл. Я помню ваши глаза.

Элиза. Здравствуйте. (*Грациозно опускается на тахту, заняв место, которое только что освободил Хигинс*.)

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*знакома*). Моя дочь Клара.

Элиза. Здравствуйте.

Клара (*возбужденно*). Здравствуйте! (*Садится рядом с Элизой, пожирая ее глазами*.)

Фредди (*подходя*). Я уже имел счастье...

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*представляя*). Мой сын. Фредди.

Элиза. Здравствуйте.

Фредди кланяется и, совершенно покоренный, опускается в елизаветинское кресло.

Хигинс (*внезапно*). Ах, черт побери, теперь я вспомнил!

Все уставились на него.

Ковент-Гарден. (*Сокрушенно.*) Вот нелегкая!

Миссис Хигинс. Генри! (*Заметив, что он собирается сесть на ее письменный стол.*) Не садись на мой письменный стол – сломаешь.

Хигинс (*хмуро*). Прошу прощения.

Направляется к дивану, но по дороге спотыкается о каминную решетку и роняет щипцы. Ругаясь сквозь зубы, приводит все в порядок и, завершив наконец свое неудачное путешествие, обрушивается на диван с такой силой, что диван трещит. Миссис Хигинс наблюдает за ним, но сдерживается и молчит. Долгая тягостная пауза.

Миссис Хигинс (*прерывая молчание*). Как вы думаете, будет сегодня дождь?

Элиза. Незначительная облачность, наблюдавшаяся в западной части Британских островов, постепенно захватит и восточные районы. Судя по барометру, существенных перемен в состоянии атмосферы не предвидится.

Фредди. Ха-ха-ха! Как смешно!

Элиза. Что тут смешного, молодой человек? Держу пари, я все сказала как надо.

Фредди. Восхитительно!

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Надеюсь, в этом году не будет неожиданного похолодания! Кругом столько случаев инфлюэнцы. А наша семья так подвержена ей – каждую весну все заболевают.

Элиза (*мрачно*). Тетка у меня померла, так тоже сказали – от инфлюэнцы.

Миссис Эйнсфорд-Хилл *сочувственно прищелкивает языком.*

(Тем же трагическим тоном.) А мое такое мнение – пришили старуху.

Миссис Хигинс (*озадаченно*). Пришили?

Элиза. Факт! Боже ж ты мой, с чего бы это ей помирать от инфлюэнцы? Прошлый год она дифтеритом болела – и то как с гуся вода. Она аж посинела, я своими глазами видела. Все уж думали, ей крышка, а папаша мой возьми ложку да и начни ей в глотку джин лить, так она сразу очухалась и пол-ложки откусила.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*потрясенная*). Господи!

Элиза (*нагромождая улики*). Ну, скажите на милость, с чего бы такой здоровенной тетке вдруг помереть от инфлюэнцы! А куда девалась ее новая соломенная шляпа, что должна была достаться мне? Стибрили! Вот я и говорю: кто шляпу стибрил, тот и тетку пришил!

Миссис Эйнсфорд-Хилл. А что это значит – пришил?

Хигинс (*поспешно*). О, это модное светское выражение. Пришить человека – значит убить его.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*Элизе, в ужасе*). Неужели вы серьезно думаете, что вашу тетушку убили?

Элиза. Велико дело! Да эта публика могла пристукнуть ее за шляпную булавку, не то что за целую шляпу.

Миссис Эйнсфорд-Хилл. И все же вашему отцу не следовало вливать ей в горло алкоголь. Это действительно могло убить ее.

Элиза. Кого? Ее? Да для нее джин – что материнское молоко для младенца. Моему ли папаше не знать, что за штука джин? Он на своем веку немало за галстук залил.

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Вы хотите сказать, что ваш отец много пил?

Элиза. Пил? Лакал без передышки, черт бы его подрал!

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Как вы, должно быть, страдали!

Элиза. Нисколечко! Как я замечала, это ему только на пользу шло. Да он и не то чтобы подряд глушил, запоем. *(Весело.)* Так, бывало, загуляет время от времени. Он, когда выпивши, куда лучше становится. Вот сидит он без работы, а мать дает ему четыре пенса и велит домой не приходиться, пока он не напьется, потому что тогда он веселый да ласковый. Многим женщинам приходится своих мужей поить, а то, пока они не выпивши, с ними и житья нет. *(Окончательно почувствовав себя как дома.)* Тут ведь какой переплет получается. Вот, к примеру, человек совесть имеет, так трезвого она его ух как заедает, и он от этого на стенку лезет. А долбанет стаканчик-другой, горя как не бывало. *(К Фредди, который корчится от сдерживаемого смеха.)* Эй, молодой человек! Вы чего ржете?

Фредди. Ах, эти модные светские выражения. До чего же здорово они у вас получаются!

Элиза. А если здорово, так чего зубы скалить. *(Хигинсу.)* Разве я сказала, чего не следует?

Миссис Хигинс *(опередив сына).* Нет, что вы, мисс Дулитл!

Элиза. Слава тебе господи! *(С увлечением.)* Я ведь что говорю...

Хигинс *(поднимаясь и глядя на часы).* Гм...

Элиза *(взглянув на него, понимает намек и встает).* Простите, мне пора идти.

Все встают. Фредди направляется к двери.

Мне было так приятно познакомиться с вами. До свиданья. *(Прощается с миссис Хигинс).*

Миссис Хигинс. До свиданья.

Элиза. До свиданья, полковник Пикеринг.

Пикеринг. До свиданья, мисс Дулитл. *(Пожимает ей руку.)*

Элиза *(кивком головы прощаясь с остальными).* И вам всем до свиданья.

Фредди *(распахивая перед ней дверь).* Вы идете через парк, мисс Дулитл? Позвольте мне...

Элиза. Че-его? Пешком топать? К чертям собачьим!

Все потрясены. Я в такси еду!

(Выходит.)

Пикеринг, задохнувшись от изумления, падает в кресло. Фредди выбегает на балкон, чтобы еще раз взглянуть на Элизу.

Миссис Эйнсфорд-Хилл *(все еще не оправившись от потрясения).* Все-таки я никак не могу привыкнуть к этой новой манере выражаться.

Клара *(с досадой бросаясь в елизаветинское кресло).* Ну полно, мама, полно. Вы так старомодны, что люди подумают, будто мы никогда нигде не бываем.

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Вероятно, я действительно очень старомодна, но, надеюсь, Клара, ты не будешь употреблять таких выражений. Я уже привыкла к тому, что мужчин ты называешь «пройдохами», на каждом шагу говоришь «мерзость» и «свинство», хотя я лично считаю это неприличным и неженственным. Но то, что мы сейчас слышали, – это уж слишком! Как вы считаете, полковник Пикеринг?

Пикеринг. Меня не спрашивайте. Я несколько лет провел в Индии, и за это время манера держаться так изменилась, что, право, иногда не знаешь, где находишься – на званом обеде в уважаемом доме или в парходном кубрике.

Клара. Дело привычки. Это ни хорошо ни плохо. И никто не придает этому никакого значения. Просто такая необычность придает особый шик тому, что само по себе не слишком остроумно. Я нахожу новую манеру выражаться прелестной и вполне безобидной.

Миссис Эйнсфорд-Хилл *(встает).* Пожалуй, нам пора.

Пикеринг и Хигинс встают.

Клара (*встает*). Да, сегодня нам предстоит сделать еще три визита. До свиданья, мисс Хигинс. До свиданья, полковник Пикеринг. До свиданья, профессор Хигинс.

Хигинс (*мрачно провожая ее до двери*). До свиданья. Смотрите не забудьте на всех трех визитах испробовать новую манеру выражаться. Главное, не смущайтесь и валяйте вовсю.

Клара (*расплываясь в улыбке*). Обязательно! До свиданья. Вся эта старомодная викторианская благовоспитанность – такая чушь!

Хигинс (*искушая ее*). Будь она проклята!

Клара. К чертям ее собачьим!

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*содрогаясь*). Клара!

Клара. Ха-ха-ха! (*Уходит, сияя оттого, что оказалась на уровне современных требований. С лестницы доносится ее звонкий смех.*)

Фредди (*ко всей вселенной*). Нет, вы мне скажите... (*Не в силах справиться с нахлынувшими чувствами, прощается с миссис Хигинс.*) До свиданья.

Миссис Хигинс (*обмениваясь рукопожатием*). До свиданья. Хотели бы вы снова встретиться с мисс Дулитл?

Фредди (*горячо*). Да, да, ужасно хотел бы!

Миссис Хигинс. Милости просим. Вы знаете мои приемные дни.

Фредди. Благодарю вас. До свиданья. (*Уходит.*)

Миссис Эйнсфорд-Хилл. До свиданья, мистер Хигинс.

Хигинс. До свиданья, до свиданья.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*Пикерингу*). Ничего не поделаешь, я никогда не сумею заставить себя употреблять эти ужасные выражения.

Пикеринг. И не старайтесь: это вовсе не обязательно. Вы прекрасно обойдетесь без них.

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Да вот Клара опять обрушится на меня за то, что я пренебрегаю самым модным жаргоном. До свиданья.

Пикеринг. До свиданья.

Пожимают руки друг другу.

Миссис Эйнсфорд-Хилл (*миссис Хигинс*). Не сердитесь на Клару.

Пикеринг, услышав, что она понизила голос, деликатно отходит к окну, где стоит Хигинс.

Мы так бедны, и она так редко бывает в обществе, бедная девочка! Она просто не знает, как сейчас следует держаться.

Миссис Хигинс, заметив у нее на глазах слезы, сочувственно пожимает ей руку и провожает ее до двери.

Но Фредди у меня очень славный, правда?

Миссис Хигинс. Он очень мил, и я всегда буду рада ему.

Миссис Эйнсфорд-Хилл. Благодарю вас, дорогая. До свиданья. (*Уходит.*)

Хигинс (*нетерпеливо*). Ну как? Можно показывать Элизу в обществе? (*Тащит мать к дивану.*)

Миссис Хигинс садится на место Элизы, сын садится слева от нее. Пикеринг возвращается на свой стул справа.

Миссис Хигинс. Ну конечно, нет, глупый мой мальчик. Она шедевр искусства – твоего и ее портнихи. Но если ты хоть на минуту сомневаешься в том, что она выдает себя каждой фразой, значит, ты просто помешан на ней.

Пикеринг. И вы полагаете, что ничего нельзя сделать? Неужели невозможно отучить ее от ругательств?

Миссис Хигинс. До тех пор, пока она будет находиться в обществе Генри, – нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.